36

12236
II
Детск
ОИК

~~85 4/27~~

ОИК

~~12 4/48~~

Б.А.В.М.

122
II

ОБЩЕПОЛЕЗНЫЙ
ДѢТСКІЙ
ПИСЬМОВНИКЪ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.
1825.

ОБЩЕПОЛЕЗНЫЙ

ДѢТСКІЙ

ПИСЬМОВНИКЪ.

Фронтиспись

ОБЩЕПОЛЕЗНЫЙ ДѢТСКІЙ ПИСЬМОВНИКЪ,

ЗАКЛЮЧАЮЩІЙ ВЪ СЕБѢ:

Занимательную переписку благородныхъ дѣтей обоего пола, подъ руководствомъ почтеннаго престарѣлаго родственника, о занятіяхъ, ученьѣ, играхъ, прогулкахъ и о всѣхъ впечатлѣніяхъ, свойственныхъ юнымъ сердцамъ.

Сочиненіе Г. Д. . . .

Перевелъ съ Французскаго

ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Театра

Актеръ Барановъ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Медико-Хирургич. Академіи.

1825.

ПАЛАТА ВАСИЛЬЕВА ЩАПОВА БИБЛІОТЕКА

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Августа 3 дня, 1825 года. Книгу сію разсматривалъ Экспра-Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ

НИКОЛАЙ БЕКЕТОВЪ.

Продается
у Книгопродавца *Василья Логинова* на Никольской улицѣ.

Гос. Истор. Научн. Б-ка
ЛЕНИНГРАД
Инвент. № 289118

БУДУЩИМЪ

АРТИСТАМЪ

и

АРТИСТКАМЪ

ШКОЛЫ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО ТЕАТРА.

Гос.
Инв

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Одна изъ главнѣйшихъ необходимостей, которую часто оставляютъ въ небреженіи при воспитаніи дѣтей, есть наука приучать ихъ заблаговременно къ писменному слогу.

Въ Пансіонахъ, даже въ публичныхъ заведеніяхъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, еще не видно было, чтобы кто нибудь изъ воспитанниковъ или

воспитанницъ занимался въ особенности столь необходимымъ для всякаго предметомъ. Со всѣмъ тѣмъ нельзя опвергать, что въ теченіи самой обыкновенной жизни, умѣнье писать письма, опвѣчать тѣмъ, опъ кого получаемъ ихъ, вести переписку объ дѣлахъ, или даже объ удовольствіяхъ, есть вещь самая необходимая, можно сказать, всякой день.

Очень часто случается видѣть молодыхъ людей обоего пола, даже такихъ, которые, какъ говорятъ, уже кончили

курсъ наукъ,— приходящихъ въ замѣшательство, когда необходимость заставитъ ихъ взять въ руки перо и написать не больше пяти строкъ.

Это замѣшательство, или, лучше сказать, отвращеніе, которому примѣры мы видимъ ежедневно, происходитъ отъ недостатка въ упражненіи и небреженіи въ обработаніи дарованія, которому должно непремѣнно учиться наравнѣ съ прочими науками и которое не иначе можетъ развернуться, какъ по дол-

говременномъ и частомъ занятіи.

Многіе думаютъ замѣнить этотъ родъ науки, совѣтуя молодымъ людямъ, успѣвшимъ нѣсколько въ ученьѣ, читать хорошія образцовыя книги, которыми Французской языкъ по справедливости можетъ гордиться. » Читайте, говорятъ наши наставники и наставницы, читайте письма Гжи де Севинье, постигайте слогъ ея, перенимайте у нее изъясняться на бумагѣ съ такою же пріятностію, легкостію, непринужденностію. «

Нѣтъ ничего справедливѣе подобнаго совѣта; его легко дать и хорошо имъ пользоваться; но достаточно ли этаго?

Ни мало. Въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія не было ни одного просвѣщеннаго человѣка, которой бы не читалъ и не перечитывалъ собраніе превосходныхъ писемъ Гжи де Севинье; но много ли можно назвать такихъ, которые посредствомъ одного этаго чтенія достигли хотя малѣйшей знаменитости?

Чтобы успѣть въ такомъ

родѣ ученія, надобно имѣть прилѣжаніе, чаще упражняться и привыкать къ нему съ самаго дѣтства. Цѣль предлагаемой читателямъ книги слѣдующая: юные воспитанники и воспитанницы сообщаютъ другъ другу о своихъ занятіяхъ, объ ученьѣ, объ играхъ, о прогулкахъ, наконецъ о всѣхъ впечатлѣніяхъ, какія производитъ надъ ихъ умами то положеніе, въ которомъ каждый изъ нихъ находится.

Представляемъ эту переписку какъ образецъ письменнаго

слога, изъ котораго наставники и родственники дѣтей вѣрно извлекутъ большую пользу. Подобное упражненіе для дѣтей сколько необходимо, столько и полезно. Оно образуетъ и сердце и умъ.

Мы заранѣе спѣшимъ успокоить неумѣренную разборчивость нѣкоторыхъ строгихъ наблюдателей, зараженныхъ небольшими предразсудками и готовыхъ возстать противъ переписки мальчиковъ и дѣвочекъ, какъ будто бы оба эти пола вѣчно должны быть чужды

другъ другу! а потому полагаемъ, что для нихъ послужитъ достаточнымъ поручительствомъ, когда извѣстимъ, что издатель этихъ писемъ будучи самъ отцомъ семейства, зрѣло обдумалъ всѣ предметы изданія.

Впрочемъ доказательства его читатель можетъ видѣть въ 17^мъ письмѣ этой книги. Онъ столько увѣренъ въ пользѣ сего сочиненія, что надѣется заслужить похвалу людей всякаго возраста и обоего пола.

ОСОБЫ,

УЧАСТВУЮЩІЕ ВЪ ПЕРЕПИСКѢ.

Г. Чадолюбовъ, дѣдушка Фединьки и Полиньки.

Гжа. Чадолюбова, жена его.

Г. Любенской, зять ихъ.

Гжа Любенская, жена его.

Надинька, дочь ихъ.

Полинька, дѣвочька 12 лѣтъ, учащаяся въ Пансіонѣ.

Фединька, братъ ее, мальчикъ лѣтъ одинадцати.

Соничька, 9 лѣтняя дѣвочька.

Петруша, мальчикъ десяти лѣтъ.

Аркадій Свѣтинскій, молодой человѣкъ 15 лѣтъ, очень свѣдущій и оказавшій большіе успѣхи въ наукахъ.

ОБЩЕПОЛЕЗНЫЙ
ДѢТСКІЙ ПИСЬМОВНИКЪ.

ПИСЬМО I.

ФЕДИНЬКА КЪ ПОЛИНЬКѢ,

19 Маія.

Премного благодарю тебя, любезная и добрая сесприца, за напоминаніе. Признаюсь въ своей глупости; я совершенно было забылъ, что послѣ завтра *Константина и Елены*, слѣдовательно день имянинъ милой нашей бабиньки. Хоро-

шо еще, чпо мнѣ есть время выучить наизусть ей поздравленіе въ стихахъ, которые я просилъ сочинить моего наставника. Онъ такъ добръ, что даже обѣщался вмѣстѣ со мною ѣхать къ дѣдинькѣ; заранѣе восхищаюсь мыслію, что проведу цѣлой день съ тобою, вѣдь ты вѣрно туда пріѣдешь.

Сего дня вечеромъ я допишу головное изображеніе Божіей Матери; мой рисовальной учитель очень доволенъ моими успѣхами; однакожъ не скрою отъ тебя и того, что онъ кой-гдѣ поправлялъ (разумѣется для того, чтобъ оно имѣло больше достоинства); признаюсь, это изображеніе и самому

мнѣ чрезвычайно нравится; кро-
тость и добродѣтель ясно начер-
таны на лицѣ Святой Дѣвы.

Помнишь ли милинькая сестри-
ца, какъ въ прошедшемъ году мы
были щастливы въ этотъ день.
Покойница маминька пріѣхала са-
ма взять меня изъ пансіона, а по-
томъ мы отправились за тобою....
Ахъ! какъ мы тогда были весе-
лы! безъ слезъ и вспомнить не мо-
гу о прошедшемъ; мнѣ сдается, что
въ нынѣшнемъ году намъ будетъ
очень грустно, однакожъ я упот-
реблю всѣ силы, чтобъ не казаться
печальнымъ, и надѣюсь, что и ты
послѣдуешь моему примѣру; одна-
го только боюсь, чтобы бабинька

по прежнему не заплакала, увидя насъ; это разстроитъ всю мою веселость.

И такъ, любезная сестрица, мы проведемъ цѣлой день вмѣстѣ и вдоволь наиграемся съ Надинькою, которую я очень, очень люблю, даже кажется и ей пріятно быть съ нами. Прощай, милая.

Чуть было не позабылъ: сказать стыдно, а утаить грѣшно. Я показывалъ письмо свое моему наставнику. Хотя онъ ничего не перемѣнилъ, однакожъ довольно побранилъ за ошибки въ правописаніи, которыхъ нашелъ семь или восемь, и потому я долженъ былъ

переписать его снова. До свиданія, мысленно тебя цѣлую.

Нѣжной братъ и другъ

Ѳедоръ Любинъ.

NB. Мнѣ очень хочется видѣть ту прошивку, которую, какъ пишешь, ты приготовила для бабиньки; послѣ завтра покажи. Каковы твои успѣхи на фортопіано?

ПИСЬМО II.

ПОЛИНЬКА КЪ НАДИНЬКѢ,

Пансіонъ, Маія 24.

Почитаю долгомъ, добрый другъ мой, сдѣлать тебѣ легкой выговоръ и собственно для того спѣшу писать, что голова моя теперь ужасно занята прошедшимъ; въ прочемъ за себя не ручаюсь, можетъ быть черезъ сутки я обо всемъ забуду. И такъ, прошу тебя откровенно сказать, отъ чего въ день имянинъ бабиньки ты сдѣлалась грустна и възамѣшательствѣ

съ самаго того времяни, какъ намъ предложили послѣ завтрака съиграпь чпо нибудь на форпопіано?

Сначала пы была очень весела, премило шупила съ брапцомъ Фединькой, копорый за всякую оспропу плапилъ равною осптропою, и мы всѣ были чрезвычайно довольны, не выключая даже бранчивой иногда Соничьки: но не прошло послѣ пого часа, и вся наша радость, все благополучіе изчезло. Признаюсь тебѣ опкровенно, чпо во глубинѣ души я почипаю себя невольною причиною пакой перемѣны.

Да, милая Надинька, я какъ будпо щеперь гляжу: слезы высупи-

ли у тебя изъ глазъ и губы задрожали въ ту самую минуту, какъ мадамъ Бельвиль велѣла тебѣ сѣсть за фортопіано и съиграть ту же сонату, которую я такъ немилосердо изуродовала.

Мадамъ Бельвиль, которая столько трудилась, чтобъ выучить меня хорошенько разыгрывать эту сонату, въ одну минуту лишила твердости, сказавъ: » смѣлѣе, сударыня, смѣлѣе, я надѣюсь, что вы принесете честь вашей учительницѣ. « Лишь только она выговорила эти слова, я оробѣла и, просто сказать, сплала въ пупикъ; а какъ ошиблась въ первой разъ, то ужь не пом-

нила, гдѣ была и что дѣлала; увидѣвъ же, что бѣдная мадамъ Бельвиль изъ угла косо на меня смотритъ, желала быть отъ нее за тысячу верстъ, и чувствуя, что слезы готовы градомъ покатиться изъ глазъ, я проворно вскочила съ креселъ и побѣжала въ объятія дѣдиньки, чтобъ скрыть свой стыдъ. Ахъ, какой доброй человѣкъ нашъ дѣдинька! онъ не только не бранилъ меня, а еще съ горячностію обнялъ и тихонько сказалъ: » ничего, ничего, милая; ты въ другой разъ поправишь свою ошибку.

Въ ту самую минуту ты, любезная Надинька, вошла въ ком-

цату, и разцѣловавъ вмѣстѣ со мною дѣдиньку и обнявъ, я думаю, разъ двадцать, ты никакъ не хотѣла сѣсть на мое мѣсто за фортопіано-, не смотря на приказаніе мадамъ Бельвиль, которая настоятельно того требовала. Хотя ты моложе меня, однакожъ гораздо больше успѣла въ музыкѣ, слѣдовательно я и не могла понять, почему ты рѣшительно отказалась играть; подумавъ же послѣ того хорошенько, догадалась, что единственно изъ дружбы ко мнѣ ты не хотѣла блеснуть своимъ талантомъ. Тебѣ больно было видѣть мою горесть?— ты страдала за меня!— милая; добрая Надинька,

я не въ силахъ выразить, какъ тронула меня такая нѣжная заботливость!

Великодушной твой поступокъ тогда никто не замѣтилъ; одинъ только дѣдинька догадался, для чего ты не сѣла за фортопіано: я заключаю это потому, что онъ вскорѣ сталъ тебя ласкать, безпрестанно повторяя: *милой ребенокъ! какое превосходное сердце!*

И такъ, за что же я хотѣла побранить тебя въ началѣ письма? да, вотъ за что: отказъ твой играть на фортопіано остановилъ музыку, а ненасытной братецъ мой Фединька, которой никогда не бываетъ такъ

доволенъ, какъ въ то время, когда хваляпъ тебя до небесъ, (что ты и заслуживаешь), ужасно досадовалъ, что ты не сѣла за фортепіано, какъ будто никто не знаетъ, что нѣтъ дѣвушки, которая въ твои лѣта знаетъ такъ хорошо музыку.

Сего дня по утру мнѣ вздумалось опять приняться за эту несносную сонату; я была одна и съиграла ее-не ошибаясь ни въ одной нотѣ; изъясни такую странность? — Между нами сказать, я на вѣрное полагаю, что присутствіе учительницъ приводитъ въ робость учениць. Мы боимся огорчить ихъ, страшимся подвер-

гнуть выговорамъ родственниковъ, а опъ того робѣемъ, и все путаемъ; я разъ десять замѣчала это надъ другими. Щастливы, милая Надинька, тѣ дѣвочки, которыя, такъ какъ ты, будучи въ себѣ увѣрены, умѣютъ сообществовать справедливымъ желаніямъ своего семейства! Однакожъ я помню, что въ прошедшемъ году и ты смѣшалась во время экзамена, когда начали дѣлать вопросы изъ Географіи; за то очень хорошо умѣла поправить свою ошибку успѣхами въ Ариѳметикѣ.

Прощай, милинькая сестрица; вмѣсто упрековъ я обязана тебѣ

большою благодарностію. Братъ Фединька, которой вчерась съ дѣдинькой завозилъ меня въ пансіонъ, просилъ непремѣнно писать къ тебѣ; я обѣщала и сдержала слово: онъ разъ двадцать за тебя меня обнималъ и дѣдинька также сказалъ, что до безумія тебя любитъ, а я больше ихъ обоихъ. Пожалуста поскорѣе отвѣчай.

твоему другу и сестрѣ

Пелагеи Любиной.

PS. Къ спати: ты, я думаю, помнишь ту знатную госпожу, такъ прекрасно одѣтую, которая была у бабиньки въ день ея имянинъ; еще на ней былъ безподобной голубой

шпензеръ: она прислала мнѣ богатую куклу, ростомъ почти съ меня; но какъ я обѣщала Г^ну Дювалю, моему наставнику, какъ скоро исполнится мнѣ одиннадцать лѣтъ, не играть больше въ куклы, то и просила дѣдиньку отдать тебѣ; надѣюсь что ты ее уже получила.

ПИСЬМО III.

АРКАДІЙ СВѢТИНСКІЙ КЪ ФЕДИНЬКѢ,

25 Маія.

Согласно съ твоимъ желаніемъ, любезной Фединька, и съ просьбою почтеннаго твоего дѣдушки, я хочу начать описаніе мое о письменномъ слогѣ. Будучи четырьмя годами съ половиною старше тебя, и оказавъ нѣкоторые успѣхи въ наукахъ, я очень могу, (какъ говоритъ Г. Чадолюбовъ), быть тебѣ полезнымъ, естьли стану объяснять свои замѣчанія посредствомъ

переписки; съ удовольствіемъ принявъ его предложеніе, я условился, чтобы всякое наше письмо дѣдинька твой прочитывалъ напередъ самъ и находя что либо не нужнымъ, поправлялъ или перемѣнялъ.

Условіе это тѣмъ больше для меня необходимо, что ему угодно сдѣлать участницею въ нашей перепискѣ любезную сестру твою Полиньку и чтобы даже родственница ваша Надинька также вела съ нами переписку; слѣдовательно благопристойность требуетъ, чтобы такое короткое обращеніе между молодыми людьми непремѣнно происходило подъ присмотромъ благоразумнаго, опытнаго и по-

жилова родственника. Его снисхожденіе и горячность уже вамъ извѣстны.

Что же касается до меня, то какъ дѣдинька твой дѣлаетъ мнѣ большую честь, почитая юношею совершеннымъ въ наукахъ, я поставляю себѣ за удовольствіе и долгъ быть также подъ его руководствомъ, опасаясь, чтобы залетѣвъ далеко, не заблудиться. Зная превосходныя качества твоей сестрицы Полиньки, я запасся этою осторожностію, безъ которой боялся бы и даже не смѣлъ назваться учителемъ такой ученицы; въ прочемъ я такихъ же мыслей какъ о тебѣ, такъ и о Надинькѣ; тѣмъ

лучше: мы съ радостію примемся за дѣло, зная, что доброй и почтенной дѣдинька, нашъ путеводитель, другъ, наблюдатель и даже можно сказать, сообщникъ; и такъ, я начинаю:

Письменной слогъ (такъ говорили всегда мои учители и я теперь повторяю только ихъ уроки) есть и ни чѣмъ не долженъ иначе быть, какъ разговоръ на бумагѣ. Принужденность, работа, неясность, не должны въ письмѣ имѣть никакого мѣста, ни даже быть замѣчены; ясность, простота: вотъ главные предметы, которыми всегда должно руководствоваться. Самое луч-

шее письмо есть то, которое пишутъ скоро и слова происходятъ прямо отъ души. Нѣтъ никакой надобности учиться тому, что намѣренъ сообщить другому; только должно знать порядокъ и сообразоваться съ лѣтами, съ положеніемъ, съ званіемъ и съ отношеніями лицъ, къ которымъ пишемъ.

Госпожа де Севинье, повторяли мнѣ учители, которую очень справедливо почитаютъ совершеннѣйшимъ образцомъ письменнаго слога, ежедневно писала къ дочери своей, Графинѣ Гриньянъ. Ничего нѣтъ пріятнѣе, занимательнѣе, нигдѣ нѣтъ такого изобилія въ чувствахъ, какія всякой день на-

ходила эта достойная мать въ своемъ сердцѣ; но описывая тѣже анекдоты, тѣже приключенія Гжѣ де Куланжъ, Гну де Рюсси, Кардиналу Репсу и прочимъ, она употребляла совершенно другой слогъ и давала выраженіямъ совсѣмъ другой оборотъ. Всякое письмо было приспособлено къ характеру, къ званію, къ состоянію того лица, которому она писала и со всѣмъ тѣмъ работы нигдѣ не льзя замѣтить. Эта чудесная женщина имѣла такой необыкновенной даръ выражать свои мысли, что безъ всякаго принужденія, легко, просто, умѣла принаровить-

ся ко всякому тону, ко всякому разговору.

Больше же всего въ письмахъ къ дочери, эта неподражаемая легкость, или, лучше сказать, удивительная плодовитость мыслей безъ всякаго сомнѣнія принадлежитъ одной ей. Въ нихъ видимъ одно только чувство: материнскую горячность; но сколько разнообразія въ выраженіяхъ. Говоритъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ различнымъ образомъ, есть такое дарованіе, которое для всякаго другова, кромѣ ее, непостижимо. Письма Госпожи де Севинье очень далеки отъ остроты; они дышутъ одною натурою и про-

стопою! чѣмъ больше я читаю эту превосходную переписку, любезной Фединька, тѣмъ больше удивляюсь и утверждаюсь въ мнѣніи, что написать хорошо письмо иначе не льзя, какъ тогда только, когда мы при каждомъ почеркѣ пера сообразуемся съ движеніями сердца.

Я знаю, что дѣдинька твой будучи сколько просвѣщенной, столько и осторожной судья, не позволилъ давать читать ни сестрицѣ твоей, ни тебѣ писемъ о Миѳологіи соч. Г. Д. . . ни даже писемъ о Физикѣ соч. Г. А. М. . . . онъ запретилъ не для того, какъ говорилъ мнѣ, чтобы содержаніе

ихъ не было полезно, но потому, что принужденной, надутой слогъ, особливо первыхъ, служитъ только къ порчѣ вкуса и легко можетъ пріучить васъ къ нелѣпому тону, которымъ не льзя выразить истинныхъ чувствованій; онъ мертвъ для великихъ и сильныхъ мыслей.

Я согласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Представь, сначала я плѣнился стишками Г. Д., изъ которыхъ нѣкоторые довольно пріятны и остры; но что я изъ нихъ извлекъ? ничего! оборотъ словъ, страннымъ образомъ приготовленный, увеличенныя похвалы, упомляющія воображеніе - однимъ словомъ, языкъ сердца совершен-

но чуждъ въ нихъ. Натура, всегда простая, всегда благородная въ своемъ теченіи, тутъ совершенно не замѣтна. . . .

Но на сегоднишный день довольно, любезный другъ, теперь я описалъ тебѣ всеобщія замѣчанія о письменномъ слогѣ. Въ послѣдующемъ письмѣ я сообщу нѣкоторыя подробности, которыя легче можно понять. Прощай, будь увѣренъ въ истинной дружбѣ

Аркадія Свѣтинскаго.

ПИСЬМО IV.

НАДИНЬКА КЪ ПОЛИНЬКѢ,

26 Маія.

Такъ, милая Полинька, ты отгадала; — неуспѣхъ твой удержалъ меня сѣсть послѣ тебя за фортопіано. Не уже ли ты думаешь, что я спокойно могла бы смотрѣть на ноты? .. Нѣтъ, нѣтъ. Мадамъ Бельвиль своимъ ободреніемъ еще больше твоего привела меня въ робость. Ахъ, какъ милъ дѣдинька! какой доброй и прекрасной че-

ловѣкъ! онъ утѣшалъ тебя, меня, и тѣмъ нѣсколько облегчилъ нашу горесть. Въ прочемъ не спанемъ унывать, любезная Полинька; при первомъ собраніи нашего семейства постараемся поправить прежнюю неудачу.

Ты ужь слишкомъ захвалила меня, милая. Если я нѣсколько получше твоего играю на фортепіано, то это отъ того, что папинька, которой страстно любитъ музыку, какъ самъ говоритъ, еще съ прехъ лѣтъ началъ учить меня брянчать на своихъ шпинетахъ и по цѣлымъ упрамъ заставлялъ за ними просиживать; такимъ образомъ я ма-

ло по малу научалась, а время и привычка образовали мой вкусъ; я похожа на чижа, которой по свистку выучивается пѣть разныя штучки; а ты занималась прежде другими науками и музыкѣ начала учиться только въ прошедшемъ году — совсѣмъ тѣмъ играешь очень хорошо; у тебя недостаетъ только смѣлости. Послушай, милая, если ты завидуешь мнѣ въ искуствѣ играть на форпіано, то я больше имѣю причинъ завидовать успѣхамъ твоимъ въ Грамматикѣ, въ Исторіи, въ рисованьѣ, въ Ариѳметикѣ и въ разныхъ рукодѣльяхъ; эти вещи во всякое время полезны и необходи-

мы, въ которыхъ я въ сравненіи съ тобою совершенная невѣжда.

Вчерась за обѣдомъ, во время десерта, нянюшка моя Филипьевна, вошедъ съ важнымъ видомъ въ столовую, подошла къ столу и посадила подлѣ меня на стулъ прекрасную куклу; всѣ начали удивляться ея роспу, великолѣпному убору и превосходной прическѣ. Такъ какъ ноги у ней были на пружинахъ и сгибались, то вздумали пошупить: посадили ее подлѣ маминьки, которая начала съ ней говорить, какъ съ какою нибудь барышнею.

« Какъ вы прекрасно себя держите, сударыня, съ какою благопри-

стойностію сидите! рукъ не кладете на столъ! какъ бы пріятно было, еслибъ моя дочь хоть нѣсколько на васъ походила; посмотри, посмотри, Надинька, какъ вѣжливо она себя держитъ.»

Папинька вспалъ, чтобъ поближе ее разсмотрѣть, и нашелъ прелестною.» Скажи, няюшка, спросилъ онъ послѣ у Филипьевны, откуда пожаловала къ намъ эта прекрасная госпожа?» Не знаю, сударь, отвѣчала она; посланный мнѣ только сказалъ, что ея паспортъ у ней въ ридикюлѣ.— Посмотримъ, посмотримъ, подхватила маминька, открывая маленькой ранжевой ея ридикюль, обло-

женный золотымъ спуркомъ. Она вынула маленькую запечатанную записочку, надписанную ко мнѣ; я беру, чипаю въ слухъ и всѣ хохочутъ.

Изъ письма твоего, полученнаго мною вчера, я узнала, что кукла прислана тобою, однакожъ ни кому еще о томъ не говорила; а какъ можетъ быть ты не знаешь содержанія записочки, то я посылаю съ нее копію:

Милостивая государыня Надежда Петровна.

Извѣстно, что вамъ хотѣлось имѣть маленькую сестрицу, которая была бы не шалунья и не болтуш-

ка. Если вамъ угодно, сударыня, принять меня къ себѣ, то можете быть увѣрены, что я пальцомъ ни до чего не дотронусь и никогда не розину рта. Будучи бѣдною сиротою, я отдаю себя совершенно въ вашу волю и позволяю дѣлать изъ себя все, что хотите. Истинну словъ моихъ подтвердитъ родственница ваша Палагея Федоровна. »

Прочитавъ эти строки, милая, я взяла куклу и съ нѣжностію обнявъ ее, сказала отъ чистаго сердца: поди ко мнѣ, моя красавица, мы съ тобой не разстанемся. Я столько люблю ту барышню, которая тебя прислала, что для

нее какъ можно лучше стану съ тобою обходиться.

Маминька велѣла мнѣ содержать ее благопристойнѣе и поздравляла съ такимъ прекраснымъ подаркомъ, а я вспомнила о томъ мѣстѣ въ твоемъ письмѣ, гдѣ ты писала, что какъ тебѣ исполнилось одиннадцать лѣтъ, ты перестала играть въ куклы... Ахъ, любезная сестрица! буду ли я нѣкогда имѣть столько твердости, чтобъ послѣдовать твоему примѣру? уступивъ мнѣ эту чудесную куклу, ты сдѣлала великое пожертвованіе! къ щастію мнѣ еще остается два года до одиннадцати: посмотрю, что

случится въ теченіи этаго времени.

Свѣтинскій, котораго папинька и дѣдинька очень любятъ, взялся, какъ сказывали мнѣ сего дня по утру, давать тебѣ, браццу твоему и мнѣ уроки письменному слогу. . . Ахъ, Боже мой! если надобно будетъ писать и къ нему, какъ сказалъ дѣдинька, я приду въ замѣшательство и напутаю много вздору. Впрочемъ могу прежде посовѣтоваться съ тобою, милая Полинька; посмотрю, какъ напишешь ты, а потомъ и сама за тобою.— Правду сказать, Г. Свѣтинскій преученой и премилой молодой человѣкъ; когда дѣдинь-

ка и папинька хвалютъ его, стало быть онъ того достоинъ.

Прощай, милая. Не забывай свою Надиньку; скажи Фединькѣ, что я и его столько же люблю, сколько тебя. Мы съ нимъ увидимся въ Воскресенье, онъ будетъ у маминьки обѣдать. Ахъ, еслибъ и ты также пріѣхала.

ПИСЬМО V.

Г. Чадолюбовъ къ Аркадію Свѣтинскому.

Съ большимъ вниманіемъ и еще съ бо́льшимъ удовольствіемъ я прочиталъ твое письмо, любезной другъ мой, писанное къ повѣсѣ моему Федору. Вмѣсто того, чтобъ спрятать его, какъ мы уговорились, принести и прочитать вмѣстѣ со мною, онъ оставилъ его развернутое на своемъ столикѣ. Мамзель Боме, которая, такъ сказать, вся со-

оставлена изъ любопытства, вошед по обыкновенію посмотрѣть, все ли прибрано въ комнатѣ, нашла письмо и прочитала его.

Ты знаешь, что она страстная почитательница прекрасныхъ стиховъ, находящихся *въ письмахъ о Мивологіи*, и что эти письма любимое ея чтеніе; восторгъ ея ни съ чѣмъ не льзя сравнить при чтеніи томнаго повѣствованія объ Аполлонѣ, Венерѣ, Флорѣ и проч.

Я нечаянно засталъ ее съ твоимъ письмомъ въ рукахъ и въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ты не очень выгодно изъяснялся на щетъ этаго сочиненія; лице ея пылало отъ

гнѣва; внезапной мой приходъ безъ сомнѣнія ее испугалъ, потому что она пустилась бѣжать отъ меня какъ стрѣла, спыдясь, что ее заспали читающую письмо, писанное совсѣмъ не къ ней.

Въ сумерки, когда я прогуливалея по саду, она пришла ко мнѣ и начала было извиняться; но я съ улыбкою перервалъ ее и она догадалась, что я ни мало не осердился на ея нескромность. Это по видимому придало ей смѣлость, потому что она тотчасъ же спросила: какимъ образомъ Г. Свѣтинскій, котораго умъ и познанія всѣ превозносятъ, можетъ нелюбить *писемъ о Мивологіи*? Дол-

го и прудно, любезная моя мамзель Боме, отвѣчалъ я ей, вамъ это растолковывать; впрочемъ я даже и боюсь неумышленно помрачить по удовольствіе, которымъ вы наслаждаетесь, читая и выучивая наизусть эти письмы. Вы также любительница романовъ; они обыкновенная ваша пища, и такъ выслушайте меня: хотя я не имѣю никакого права порицать вашего вкуса, ни мѣшать вамъ въ невинныхъ упражненіяхъ и привычкахъ, но требую, чтобъ вы не пріучали къ тому Фединьку и Полиньку, и предупреждаю васъ, что чрезвычайно уважаю молодова моего друга Свѣтинскаго; для

меня очень было бы пріятно, еслибъ внучапы мои на него походили. При этихъ словахъ я здѣлалъ выразительное движеніе рукою и Мамзель Боме удалилась, поклонясь, въ молчаніи.

Хвалю, мой любезной, планъ, которой, какъ я замѣтилъ, ты хочешь принять при маленькой нашей перепискѣ; однакожъ, признаюсь, предварительное твое объясненіе я нахожу немножко возвышеннымъ, слишкомъ ученымъ для Федора и Надиньки; впрочемъ Поля, къ которой я отправилъ письмо твое, вѣрно въ состояніи тебя понимать, а съ

ея помощію и эпи научатся по немножку.

Продолжай, другъ мой, заниматься такимъ полезнымъ дѣломъ и будь увѣренъ, что старикъ Чадолюбовъ принимаетъ въ немъ живѣйшее участіе.— Я очень обрадовался, услыша объ успѣхахъ твоихъ въ Математикѣ; если имѣешь нужду къ книгахъ, то безъ церемоніи бери у меня; библіотека моя для тебя открыта.

ПИСЬМО VI.

Г. ЛЮБЕНСКІЙ КЪ Гжѣ ЧАДОЛЮБОВОЙ.

28 Маія.

Милостивая Государыня

и любезнѣйшая Матушка!

Какъ я, такъ и жена, премного благодаримъ васъ за подарокъ, которой вы позволили милой Полинькѣ отдать нашей Надеждѣ. Можетъ быть никогда еще не случалось, чтобъ двенадцати-лѣт-

няя дѣвочка пожертвовала безъ сожалѣнія такою прекрасною куклою. Малютка безъ ума отъ нее, да и мапь также: судите же, какъ неперпѣливо мы желали бы доказать свою признательность этой любезной дѣвицѣ, которая въ пользу другой отказалась отъ такова важнаго для ея лѣтъ подарка.

Сего дня по утру проѣзжая городомъ, вздумалось мнѣ зайти въ игрушечную лавку и спросить о цѣнѣ такой же большой и такъ же великолѣпно одѣтой куклы, какъ присланная вами; я ужаснулся, какую цѣну съ меня запросили. По чести, подарокъ Полиньки пре-

богатой, и я съ своей стороны почелъ бы за величайшее удовольствіе опдарить ее, еслибъ только зналъ, что ей больше нравится. Сдѣлайте милость увѣдомте. Надинька моя, какъ вижу, также объ этомъ заботится.

Жена и я просимъ васъ, милостивая государыня маменушка, позволить намъ въ слѣдующій четвергъ съѣздить за доброй Полинькой въ Пансіонъ и взять на день къ себѣ; вечеромъ мы ее отвеземъ. Очень бы для насъ пріятно было видѣть и Фединьку, а еще пріятнѣе, еслибъ вы сами вмѣстѣ съ ними пожаловали. Родственное это посѣщеніе не можетъ быть вредно

для вашего здоровья, которое, какъ я съ большимъ удовольствіемъ слышалъ, начинаетъ поправляться. Попросите папиньку, чтобы онъ сдѣлалъ одолженіе пораньше пріѣхалъ съ Г. Свѣпинскимъ. Не имѣя чести быть знакомъ съ дядею и наставникомъ этаго молодова человѣка, прошу милаго папиньку принять на себя прудъ, выхлопотать ему позволеніе пріѣхать къ намъ.

Примите, милостивая государыня машушка, изъявленіе глубочайшаго моего высокопочитанія и безпредѣльной преданности.

ПИСЬМО VII.

СВѢТИНСКІЙ КЪ ФЕДИНЬКѢ.

31 Маія.

Не знаю, любезной другъ, какое дѣйствіе произвело надъ всѣми вами письмо мое отъ 25 числа; мнѣ извѣстно только, что Г. Чадолюбовъ послалъ его къ твоей сестрицѣ Полинькѣ, а та отправила къ Надинькѣ; нынѣ оно безъ сомнѣнія возвращено тебѣ. Полагая, что имъ всѣ остались довольны, хочу продолжать и изъ-

ясню тебѣ со всевозможною удобностію, какими правилами должно руководствоваться въ сочиненіи письменнаго слога. Не забывай однакожъ, что я повторяю только уроки моихъ учителей — и что этимъ обязанъ единственно моей памяти.

Если начинаемъ къ кому нибудь писать, то мы сообщаемъ или о своихъ обстоятельствахъ, или отвѣчаемъ на полученное письмо. Въ послѣднемъ случаѣ общая и самая вѣрнѣйшая метода, имѣть передъ глазами означенное письмо и отвѣчать постепенно съ начала на каждую статью въ немъ содержащуюся, не смѣшивая, не пере-

путывая тѣхъ спашей и не начиная второй, не давъ удовлетворительнаго отвѣта на первую. Слѣдуя въ точности этому порядку, никогда не подвергнешся опасности забыть о какомъ нибудь необходимомъ предметѣ и письмо твое никогда не будетъ казаться темнымъ для читающаго; что случается очень часто, если кто слишкомъ полагаясь на свою память, отвѣчаетъ, не заглядывая въ полученное письмо. Этотъ недостатокъ почти обыкновенный и его-то какъ можно надобно стараться избѣгать.

Въ первомъ же случаѣ, то есть тогда, какъ мы беремъ перо пи-

сашь о себѣ, надобно сначала разсмотрѣть, какова рода письмо: *дѣловое* или *учтивое*, *дружеское* или *почтительное*, *должностное* или *веселое*; надобно замѣтить отмѣнки подобныхъ родовъ писемъ, о которыхъ я упомяну подробнѣе въ послѣдствіи.

Прежде нежели начнемъ писать, надобно обдумать, къ какой особѣ мы пишемъ: старѣе ли она насъ лѣтами, званіе ея выше ли нашего, больше ли чиномъ, или ниже насъ или равная: это предварительное разсмотрѣніе много значитъ. Понимаешь ли, любезной Фединька? Сестрица твоя уже вѣрно это знаетъ и остроумная

Надинька также поймет, какъ необходимо нужно обдумывать въ такихъ случаяхъ, чтобы избѣгнуть нелѣпостей и не показаться страннымъ, не соблюдая вообще принятыхъ обыкновеній. Къ знаменитому вельможѣ, къ родственнику заслуживающему почтеніе, или къ какому нибудь большому барину, не льзя писать такъ, какъ къ другу. Если откровенная благородная свобода мыслей и должна вездѣ обнаруживаться, то выраженія, формы не могутъ быть одинаковы; въ этомъ-то и заключается дарованіе пишущаго: пусть необходимо должно руководствоваться разсудкомъ, воспитаніемъ,

знаніемъ свѣта и общеспвеннымъ благоприличіемъ.

Разсмотримъ теперь различіе, существующее между перепискою мущинъ и женщинъ. Когда двѣ молодыя благородныя дѣвушки, искреннія пріятельницы ведутъ между собою переписку, то опкровенно, просто и непринужденно сообщаютъ другъ другу замѣчанія свои о произшествіяхъ, даже самыхъ бездѣльныхъ, случившихся съ ними, но если которая нибудь изъ нихъ пишетъ къ тепкѣ, къ знапной госпожѣ или пожилой родспвенницѣ, тогда должна употреблять другой слогъ, другіе оборопы; а часпо случаепся, чпо умнѣйшая

и получившая лучшее воспитаніе изъ двухъ предполагаемыхъ нами дѣвицъ, начиная такова рода письмо, приходитъ въ замѣшательство и убѣждается въ своей неспособности. Въ какомъ же должна быть она затрудненіи тогда, какъ по долгу принуждена будетъ писать къ чиновному господину, къ покровителю или даже къ простому дворянину.

Эти замѣчанія, любезной Фединька, относятся только къ личности особъ; онѣ такъ важны, такъ необходимы для различныхъ матерій, служащихъ предметомъ писемъ, что... но этаго довольно на севоднишній день; многое

вдругъ упомнишъ какъ пвое воображеніе, шакъ и любезныхъ пвоихъ сесприцъ. . . Опложимъ продолженіе до другаго раза.

Никакъ не могу удержашься опъ смѣха, воображая, съ какимъ высокоумiемъ осмѣливаюсь я преподавашь вамъ уроки писменнаго слога и особливо вспомнивъ, чпо сесприца пвоя должна чишашь мое посланіе. Судя по нѣкоторымъ ея письмамъ къ бабушкѣ, къ Надинькѣ и къ шебѣ, которыя я чипалъ съ большимъ удовольспвіемъ, смѣло могу сказашь, чпо для нее совершенно безполезны мои уроки. Слогъ ея уже довольно образовался; онъ шакъ чисшъ, пріяшенъ,

плѣнителенъ, что нѣсколькихъ хорошихъ образцовъ довольно для ее усовершенствованія; природа съ избыткомъ наградила ее своими дарами, въ разсужденіи же маленькой Надиньки я скажу, что не знаю, кто бы въ ее лѣта могъ имѣть столько ума и остроты; можно на вѣрное полагать, что она перегонитъ насъ всѣхъ. Во всѣхъ родахъ письменнаго слога она будетъ превосходна. Щастливъ тотъ человѣкъ, въ пользу котораго она примется за перо, и горе тому, кто возбудитъ ее расположеніе къ эпиграммамъ. — Прощай, любезной Фединька!

ПИСЬМО VIII.

ПЕТРУША КЪ ФЕДИНЬКѢ.

3 Іюня.

Для меня очень удивительно показалось, Федоръ Александровичь, что въ прошедшій понедѣльникъ на дѣтскомъ балѣ, которой давалъ крестной мой папинька, на которой звали и васъ съ сестрицею и Надинькою, вы не хотѣли танцовать съ родственницею моею Соничькою, хотя я просилъ васъ

о томъ нѣсколько разъ. Вы всегда предпочитали, какъ я замѣтилъ, Надиньку.

Конечно Надинька была лучше одѣта; согласенъ, что она прекрасно танцуетъ и такъ ловка, что другимъ дѣвицамъ трудно за нею гоняться; но это не можетъ васъ извинить. Въ четвергомъ экосезѣ, я далъ слово Соничькѣ, что вы станете просить ее танцовать съ собою и для того она отказала прочимъ кавалерамъ, говоря, что уже ангажирована; но вы не только не исполнили моей просьбы, но видя даже чрезмѣрную досаду Соничьки, оставили ее безъ вниманія.

Я съ своей стороны не такъ поступилъ съ сестрицей вашей Полинькой, и хотя она въ послѣдствіи танцовала съ однимъ польГмъ Свѣтинскимъ, однакожъ до пріѣзда его почелъ долгомъ просить ее быть моею дамою. Я замѣтилъ также насмѣшливой видъ Надиньки. Предупреждаю васъ, что обо всемъ этомъ увѣдомлю папиньку и если вы не поспѣшите удовлетворительно отвѣчать на письмо мое, то никогда не будете приглашены ни къ намъ, ни къ крестному папинькѣ. Правда, маминька говорила мнѣ, что я вѣрно обманулся. Надинька ваша такъ добра и мила, говорила она, что

насмѣшекъ нельзя отъ нее ожидать, и что объ васъ также говорятъ много хорошаго. Если это справедливо, то вамъ не трудно будетъ оправдаться, и я съ большимъ удовольствіемъ поспѣшу увѣрить, что люблю васъ столько же, сколько сестрицу вашу Полиньку. Прощайте.

ПИСЬМО IX.

ОТВѢТЪ ФЕДИНЬКИ.

Меня ничто столько не удивляло, любезной другъ, какъ чтеніе вашего письма. Какъ могли вы подумать, чтобы я имѣлъ намѣреніе разсердить Соничку. Когда вы стали просить меня танцовать съ нею, я полагалъ, что вы говорите въ шутку; вспомните о моемъ отвѣтѣ на ваше приглашеніе и увидите, что я правъ; къ

шому же я сначала еще взялъ съ Надиньки слово ни съ кѣмъ не танцовать, кромѣ меня; можетъ быть въ этомъ я нѣсколько виноватъ, но чтожъ дѣлать? противъ воли увлекаюсь.

Что же касается до насмѣшливаго вида, которой вы замѣтили на лицѣ ее, скажу, что вы очень ошиблись. Увы! она смѣялась надо мною бѣднымъ и даже сказала тому причину. Послушайте, я вамъ объясню. На канунѣ того дня, въ которой былъ балъ, мы начали учить одно прелестное па, которое я цѣлое утро репетировалъ и увѣрялъ, что знаю лучше ее; ни тутъ то было! При

каждомъ почти скачкѣ я ошибался, между тѣмъ, какъ она совершенно его выучила, что замѣтили всѣ гости. Она хохотала во все горло и осыпала меня насмѣшками — слѣдовательно на этотъ щетъ вы совершенно можете быть спокойны, и для меня очень будетъ непріятно, если послѣ теперешняго оправданія спанете хотя нѣсколько сомнѣваться. Также прошу васъ покорнѣйше оправдать меня и передъ Соничькой; она столько мила, что я почитаю преступленіемъ даже имѣть мысль ее огорчить. При первомъ случаѣ постараюсь исправить невольной проступокъ

свой, если она не лишитъ меня своего расположенія.

Свидѣтельствуя глубочайшее почтеніе вашему папиньнѣ и маминькѣ, остаюсь всегдашнимъ другомъ

Федоръ Любинъ.

ПИСЬМО X.

ПОЛИНЬКА КЪ НАДИНЬКѢ.

6 Іюня.

Что! довольна ли ты, любезная сестрица, молчаливою своею подругою, которую я прислала? Меня увѣряли, что ее клади спать въ твоей комнатѣ, а за сполома всегда сажаютъ подлѣ тебя. Хотя ты очень умно дѣлаешь, что ненавидишь болтуновъ, однакожъ жить съ нѣмою также мало удовольствія; такая

подруга скоро наскучитъ — поговоримъ о другомъ.

Вчера получила я записку отъ дѣдиньки, съ приложеніемъ второва письма Свѣшинскаго. Прочитавъ его съ большимъ вниманіемъ, я не задерживая посылаю къ тебѣ и прошу перечитать нѣсколько разъ, чтобъ лучше вникнуть. Сколько ни важны слогъ его и содержаніе преподаваемаго предмета, однакожъ могу тебя увѣрить, что я поняла его, поняла даже значеніе каждаго слова.

Я нисколько не сомнѣваюсь, милая Надинька, что если ты прочитавъ нѣсколько разъ это письмо со вниманіемъ, хорошенько разбе-

решь, но почувствуешь также, какъ Фединька и я, справедливость и пользу замѣчаній Свѣшинскаго.

Мнѣ кажется, не смотря на нашу молодость, мы столько уже привыкли къ чтенію, что безъ пруда можемъ пользоваться уроками Аркадія Алексѣевича. Я помню, какъ мы съ тобою въ прошедшемъ году читая вмѣстѣ дѣтскую библіотеку, понимали каждое слово.

Я рѣшалась завтра писать къ Свѣшинскому и отвѣчать практически на его уроки; предметомъ къ тому я избрала древнюю Исторію, которую препо-

дающъ намъ теперь въ пансіонѣ, а какъ и ты вѣрно спанешь къ нему писать, то совѣтую завести переписку о Географіи. Эта матерія преизобильная, при томъ же не можетъ много затруднять тебя потому, что ты оказала въ ней большіе успѣхи.

Въ прочемъ я надѣюсь, милая сестрица, что это занятіе не помѣшаетъ тебѣ продолжать писать ко мнѣ о всемъ, что съ тобою случится и что думаешь; а съ моей стороны ты можешь быть увѣрена, что я не пропущу ни одного удобнаго случая писать къ тебѣ. Прощай, любезная Надинька!

P. S. Посылаю малинькой шипой вуаль на шляпку твоей куклѣ; это подарокъ одной изъ нашихъ пансіонерокъ своего рукодѣлья.

ПИСЬМО XI.

СОНИЧЬКА КЪ НАДИНЬКѢ.

7 Іюня.

Я очень обрадовалась, любезная Надинька, что вспрѣтила тебя вчера въ театрѣ, а пріятнѣе всего мнѣ было то, что маминьки наши сидѣли рядомъ и мы съ тобой въ волю могли наговориться. Мнѣ нетерпѣливо хотѣлось поговорить о балѣ, которой давалъ крестной папинька двоюроднаго моего братца Петруши

и извинишься передъ тобой и передъ Фединькой въ несправедливости моихъ замѣчаній.

Скажи пожалуста, отъ чего его всѣ любятъ и вездѣ, гдѣ онъ ни бываетъ, хвалютъ; особливо на дѣтскихъ нашихъ балахъ это очень примѣтно. Всѣ наши подруги наперерывъ стараются танцовать съ нимъ, хотя онъ танцуетъ не лучше другихъ; я думаю, что услужливость его, живость, ловкость и веселой характеръ привлекаютъ къ нему сердца.

Онъ нравится не только дѣтямъ, но и взрослымъ людямъ; я слышала, какъ твоя маминька съ боль-

шою похвалою говорила о немъ моей, сказавъ, что со временемъ онъ откроетъ себѣ блистательную дорогу. Я также съ своей стороны признаюсь, очень его люблю, но онъ ни кѣмъ, кромѣ тебя, не занимается; представь, послѣ бала я даже плакала съ досады, полагая, что онъ презираетъ меня, но присланное имъ письмо къ Петрушѣ успокоило меня и обрадовало. Фединька обѣщалъ поправить свою ошибку и при первомъ случаѣ танцовать со мною. Прощай, моя добрая, милая Надинька.

ПИСЬМО XII.

ПОЛИНЬКА КЪ СВѢТИНСКОМУ.

Исполняя приказаніе дѣдиньки, которому угодно, чтобъ я писала къ вамъ, признаюсь, не безъ смущенія принимаюсь за перо. Только то меня нѣсколько ободряетъ, что прежде отправленія, онъ самъ будетъ прочитывать мои письма. Вы столько учены, что я боюсь показаться вамъ совершенною невѣждою, — совсѣмъ нѣмъ не могу скрыть, что съ большимъ удовольствіемъ исполнила бы приказаніе дѣдиньки, еслибъ могла,

побѣдивъ свою застѣнчивость, писать къ вамъ съ такою же непринужденностію, какъ пишу къ брату Фединькѣ и къ милой моей Надинькѣ.

Я прочла два раза и съ большимъ вниманіемъ оба письма ваши о письменномъ слогѣ; мнѣ кажется, постигаю всю справедливость вашихъ доказательствъ и полагаю навѣрное, что все писанное вами не можетъ быть иначе, потому что вы, какъ сами говорите, повторяете только уроки вашихъ учителей; постараюсь ими воспользоваться, а чтобы лучше до того достигнуть, я рѣшилась и начала уже извле-

капь главныя правила и вписывать въ маленькую тепрадку, которую нарочно для того купила.

Я уговорю и сестрицу Надиньку пожездѣлать; когда нибудь мы вмѣстѣ сравнимъ пруды и замѣчанiи каждой изъ насъ. Я думаю, что это лучшее средство поспигать вѣщи, которымъ хочешь научиться.

Не знаю, Г. Свѣтинскiй, должна ли я благодарить васъ за предубѣжденiе въ мою пользу и за похвалы, которыми вы не переспаете осыпать меня при всякомъ случаѣ. Бабинька много разъ твердила мнѣ, что эти похвалы ничто иное, какъ обыкновенныя учтивости, на которыя никогда

не должно полагатся. Если вы не подумавъ это писали, то очень дурно сдѣлали, а если обдумавъ, то хотя пріятно слышать похвалы, но хваля въ глаза можно испортить человѣка.

Дядинька Василій Петровичь Любенскій опдарилъ меня какъ нельзя лучше за куклу, которую я отдала Надинькѣ. Онъ прислалъ мнѣ экземпляръ писемъ Гжи Де Севиньѣ въ прекрасномъ переплетѣ. Я преждѣ нѣсколько разъ слыхала объ нихъ, но читать мнѣ не давали. Узнавъ же изъ вашего письма объ ихъ достоинствѣ, я ни какъ не могу удержатся, чтобы не прочитать нѣсколько спраницъ въ день.

Въ Пансіонѣ у насъ теперь преподаютъ Римскую Исторію, она будетъ служить мнѣ текстомъ и матеріею нашей перепискѣ. Ученіе этой Исторіи чрезвычайно меня забавляетъ, хотя судя по началу ее, встрѣчаются вещи, совершенно невѣроятныя и даже странныя; впрочемъ можетъ быть я ошибаюсь, потому, что тѣ времена совсѣмъ не сходны были съ нынѣшними; дѣлинька повволилъ мнѣ свободно говорить, что я думаю о всѣхъ предметахъ, которые я читала въ Исторіи, и если ошибусь, то обѣщалъ поправить; слѣдовательно я безъ опасности могу сообщить вамъ мои замѣча-

нія, потому что онъ ужъ читалъ это письмо.

На примѣръ, этотъ Авгуръ, или Римской первосвященникъ, которой бритвою разрѣзалъ большой кремень пачетверо, безъ всякой важной необходимости совершить такое чудо, кажется мнѣ шарлатаномъ, какіе встрѣчаются на гуляньяхъ. Дѣдинька, которому я прежде еще откры̀ла свое мнѣніе на этотъ щетъ, улыбнулся, а учительница моя сказала, что демонъ виною такихъ обмо-рочиваній.

Я почтительно замолчала, но не могла удержаться, чтобъ не подумать: къ чему же годно это

обморочиваніе, когда самъ демонъ не можетъ ничего дѣлать безъ повелѣнія Божія? Я лучше готова повѣрить, что Авгуръ былъ тоже самое, что механикъ Леконтъ, которой на механическомъ своемъ театрѣ безъ чудесъ производитъ еще удивительнѣйшія чудеса.

При первомъ свиданіи нашемъ у дѣдиньки, я покажу вамъ свои тетради. Надѣюсь, что вы не откажете замѣтить мнѣ ошибки въ правописаніи. Я выучила дуэтъ для фортепіано и флейты, сочиненіе Надермана; мы также вмѣстѣ его разыграемъ.— Прощайте,

Г. Свѣтинскій.

ПИСЬМО XIII.

НАДИНЬКА КЪ ПОЛИНЬКѢ.

9 Іюня.

Со мною случилось большое горе, любезная сестрица, или лучше сказать, я сдѣлала такую не простительную ошибку, что мнѣ стыдно даже сознъ. Въ четвергъ, когда папинька повезъ тебя обратно въ пансіонъ, мывъ четверомъ съ Фединькой, Сонечькой и Г. Свѣтинскимъ продолжали играть въ *желтой Карло*, но черезъ чет-

верпь часа Свѣшинскій видя, что бабинька, которая всегда рано ложится почивать, собралась ѣхать, сказалъ, что и ему пора домой, хотя она увѣряла, что онъ можетъ еще часъ, или два пробыть съ нами. Я замѣчала не одинъ разъ, что безъ тебя онь никогда долго не просидитъ; а какъ по уму своему и любезности онъ всегда былъ изобрѣтателемъ и распорядителемъ маленькихъ нашихъ игръ, то мнѣ очень было досадно, что онъ такъ скоро уѣхалъ.

Совершенно не зная, что начать послѣ его отъѣзда, мы вздумали вмѣсто четвертаго поставить прекрасную мою куклу и дѣлать

такъ, какъ будто бы она насъ понимала; Соничка взялась дѣйствовать ее руками, ногами, головою и отвѣчать вмѣсто ее на всѣ шуточные наши вопросы; ты не можешь вообразить, какъ это было весело и какъ много мы смѣялись; всѣ гости, кончивъ бостонъ, встали, и окружили насъ; они столько хохотали, что у нѣкоторыхъ отъ смѣха слезы градомъ капились изъ глазъ.

Послѣ я взяла куклу, а Фединька и Соничька стали предлагать ей пресмѣшные вопросы; я заставляла ее дѣлать такія странныя тѣлодвиженія и столько несогласныя съ отвѣтами, что не

было никакого средства удержаться отъ смѣха. Такимъ образомъ мы кончили тотъ вечеръ, которой продолжался гораздо больше обыкновеннаго.

Передъ отъѣздомъ Соничька, которая, какъ сама говорила, никогда не имѣла такого удовольствія, просила меня одолжить ее куклою на завтрешній день, потому что двоюродныя ее сестрицы Ламинскія пріѣдутъ обѣдать къ ее маминькѣ. Эта прозьба мнѣ не понравилась и я въ ту же минуту сказала, что никому не даю свою куклу; Фединька сказалъ мнѣ тихонько, что я очень хорошо сдѣлала, что отказала.

Соничька разсердясь, стала просить настоятельнѣе ; я упорствовала въ своемъ отказѣ и тогда она сказала громко : ахъ ! Надинька, вы очень дурно поступаете, я съ своей стороны никакъ бы не отказала въ такой бездѣлицѣ пріятельницѣ ; не ужъ ли вы думаете, что я испорчу вашу куклу ? « Маминька услышавъ это , подошла спросить , о чемъ мы споримъ ? Соничька повторяла свою просьбу и маминька взглянувъ на меня, ожидала отвѣта. Я опять сказала , что ни за что не разстанусь съ своей куклой.

Мать Соничьки, оскорбясь, какъ я замѣтила , моимъ отвѣтомъ ,

назвала дочь безразсудною, прибавя, что никогда не должно просить того, чего не надѣешся получить.

Маминька тотчасъ приказала мнѣ отдать куклу человѣку, которой пришелъ доложить, что карета подана. Я повиновалась, не говоря ни слова, но надувши губы и со слезами на глазахъ. Нѣтъ, нѣтъ,— сказала Соничькина мать, кукла не нужна больше моей дочери; не безпокойтесь. — Маминька просила ихъ взять ее, но онѣ отказали и уѣхали. Въ ту же минуту вошелъ къ намъ папинька, которому тотчасъ разсказали о низкомъ моемъ поступкѣ.

Мнѣ очень досадно за Надиньку, сказалъ онъ, и я никакъ не могъ вообразить, чтобъ она сдѣлала такую непростительную глупость; должно всегда одолжать человѣка, еслибъ даже это спои-ло намъ убытка; когда она преступила правила воспитанія и мои совѣты, то я приказываю отобрать отъ нее какъ куклу, такъ и прочія игрушки и не давать цѣлыя двѣ недѣли, а притомъ требую, чтобъ она завтра же по утру извинилась передъ Соничькою письмомъ и просила позволенія прислать къ ней куклу, не смѣя посылать прежде полученія ее согласія и прощенія за свою не-

учтивость. Если Соничька ее проститъ и примешъ куклу, то мы можемъ уменьшить время наказанія. Идите, сударыня, въ свою комнату и подумайте о томъ, что я приказалъ вамъ сдѣлать.

Все сдѣлаю, что вамъ только угодно, папинька, сказала я рыдая, и поцѣловавъ руку у него и у маминьки, пошла. Фединька споялъ въ углу и всхлипывалъ. Онъ дожидался дѣдинькиной кареты, которая еще не пріѣхала за нимъ. Когда я сказала ему: прощай, Фединька, то видѣла, что глаза у него красны и онъ, какъ мнѣ казалось, не въ силахъ былъ отвѣчать.

На другой день по утру, то есть третьяго дня, я ранехонько по утру послала человѣка къ Соничькѣ съ запиской; вотъ что я ей писала:

«Проспишь ли ты меня, доброй мой другъ? Чувствую, сколько я виновата передъ тобою, но будь великодушнѣе меня; забудь мою неучтивость, и хотя изъ дружества не откажи принять мою куклу на сегодняшній день, на завтра, на послѣ завтра, однимъ словомъ, на сколько хочешь времяни; сдѣлай милость позволь мнѣ прислать ее къ тебѣ и докажи этимъ позволеніемъ, что ты не сердишь-

ся больше на меня, я за то край-
не тебѣ буду благодарна.»

Меньше, нежели чрезъ полчаса, человѣкъ возвратился съ ихъ слу-гою, которой принесъ мнѣ слѣдую-щій отвѣтъ:

« Нѣтъ, милая Надинька, нѣтъ, я совсѣмъ не сержусь и почту за большое удовольствіе, если ты пришлешь мнѣ куклу. Семенъ, ла-кей нашъ, завтра по утру обрат-но тебѣ ее принесетъ. Я пока-зывала маминькѣ твою записку, и она сказала, что при первомъ выѣздѣ поспѣшитъ къ вамъ и раз-цѣлуетъ тебя за то, что ты такъ пріятно умѣла поправить проступокъ, можетъ быть не

вольной. Прощай, мой любезной другъ, я заранѣе воображаю, какъ изумятся и обрадуются, увидя чудесную твою куклу двоюродныя мои сестрицы Тамбовскія уроженки, которыя отъ роду не бывали въ Москвѣ и не видали никогда такой прекрасной игрушки.»

Я въ ту же минуту отнесла эту записку къ папинькѣ, которой сказалъ: хорошо, дочь моя, отдай свою куклу Семену, я уменьшаю твое наказаніе: вмѣсто двухъ недѣль ты будешь лишена игрушекъ только на одну недѣлю.— А я, сказала маминька, запинаясь нѣсколько, я совсѣмъ освобождаю ее отъ наказанія, если только ты

согласишься, другъ мой.— Не спѣши, душа моя, возразилъ папинька, я готовъ согласиться на твое желаніе, но не прежде, какъ послѣ завтра. — Я бросилась обнимать то того, то другаго, а потомъ пошла въ гостинную и сѣла за фортопіано.

Проигравъ извѣстное мнѣ *Попури* и *Демофонову* увертюру, я встала и хотѣла идти къ тебѣ писать; но представь мое изумленіе! вдругъ вижу, папинька (которой за мною же вошедъ тихонько въ гостиную сѣлъ въ уголъ, чтобы его не видно было въ зеркало, висящее надъ фортопіанами), подходитъ ко мнѣ и поцѣловавъ ра-

за четыре, или пять, говоритъ: будь доброю дѣвочькою, милая Надинька, и отецъ твой будетъ щасплив; я такъ была разпрогана, что не могла выговорить ни одного слова, а только обнимала его какъ можно крѣпче и слезами своими вымочила все лице.

Ты можешь показать это письмо Фединькѣ и сдѣлаешь мнѣ большое удовольствіе, если сего дня же пошлешь къ нему. Я на вѣрное знаю, что доброй другъ нашъ груститъ; онъ почитаетъ и себя вмѣстѣ со мною виноватымъ; письмо мое такъ продолжительно, что я ни слова теперь не упомяну о Г.—

Свѣтинскомъ, но на этихъ дняхъ пригоповлю ему свое посланіе, котораго содержаніемъ будетъ Географія. Прощай, милая Полинька, кукла моя пріѣхала изъ гостей и папинька отдалъ ее мнѣ. Скажи откровенно, станешь ли ты бранить своего друга и сестру

Надежду Любенскую.

ПИСЬМО XIV.

СВѢТИНСКІЙ КЪ ФЕДИНЬКѢ,

10 Іюня.

Стану продолжать, мой любезный другъ, описаніе предметовъ, изложенныхъ въ письмѣ моемъ отъ 31 числа прошедшаго мѣсяца.

Я уже писалъ тебѣ о томъ, что въ письмахъ должно перемѣнять и слогъ и тонъ, но не только въ разсужденіи лицъ, къ которымъ пишемъ, а надобно еще согласоваться съ предметами, которы-

ми мы занимаемся— подобная разнообразность необходима.

Если нужно будетъ написать учтивое или поздравительное письмо на случай радостнаго происшествія, случившагося съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ, должно замѣтить слѣдующее: если вы не искренніе друзья съ тою особою, но въ слогѣ вашемъ должна быть сохранена благопристойная важность; письмо ни слишкомъ растянуто, ни слишкомъ коротко, оборотъ благородной, возвышенной, исполненный чувства, пріятныхъ выраженій, однимъ словомъ, чтобы вездѣ было видно участіе, принимаемое вами въ случившемся

происшествіи. Такого рода письма вообще почитаются больше затруднительными, и мнѣ кажется, что въ подобномъ обстоятельствѣ не легко можно избѣжать надутости въ словѣ; въ такомъ случаѣ надобно согласоваться съ сердечными движеніями, соображаться съ связями своими въ разсужденіи тѣхъ особъ, къ которымъ намѣрены писать; если вы ничего не чувствуете, если произшествіе не дѣлаетъ на ваше сердце никакого впечатлѣнія, то не пишите, если же необходимо надобно писать по должности, довольно четырехъ или пяти строчекъ. Вы много найдете образцовъ

подобныхъ писемъ въ книгахъ, сочиненныхъ на этотъ щетъ.

Если вамъ вздумается писать о чемъ нибудь забавномъ, или когда ведете переписку съ другомъ на какой бы то ни было предметъ, тогда слогъ вашъ долженъ быть легокъ, пріятенъ, разнообразенъ; переходите быстро, однакожъ постепенно, отъ одного предмета къ другому. Чтобы каждое слово ваше выражало истинное участіе, принимаемое во всемъ, что можетъ нравиться, или льстить вкусу друга, къ которому вы пишите, чтобы онъ могъ замѣтить изъ каждаго слова, что вы заботились доставить ему

удовольствіе ; разсказывайте весело, съ благопристойною вольностію тѣ анекдопы, которые думаеше, что будутъ ему пріятны, чтобы предложенія вашихъ услугъ, не бывъ увеличены, всегда происходили отъ сердечнаго желанія. Такого рода письма безъ сомнѣнія должны быть продолжительнѣе всѣхъ другихъ, однакожъ надобно при томъ замѣчать, чтобы не показаться скучнымъ неумѣстными шутками, или нелѣпыми разсказами, однимъ словомъ, это долженъ быть простой разговоръ на бумагѣ. Въ этомъ-то родѣ имянно Г^жа Севинье и превосходна.

Если вамъ случится надобность писать дѣловыя письма, тогда совсѣмъ другое; письмо ваше должно быть коротко, чисто, слогъ вѣренъ и точенъ; не упускайте ничего, но избѣгайте безполезныхъ и незначущихъ подробностей, а особливо неясности и двусмысленности. Такого рода письма вообще не слишкомъ трудны, хотя по дѣйствію своему и послѣдствіямъ почитаются важнѣйшими; стоитъ только напередъ хорошенько обдумать то дѣло, о которомъ намѣренъ писать; если же вамъ надобно писать отвѣтъ, въ такомъ случаѣ имѣйте передъ глазами полученное письмо, что-

бы не забыть чего либо необходимаго.

Въ подобныхъ письмахъ почтосить чиселъ вещь самонужнѣйшая; напыщенность въ слогѣ шутъ совсѣмъ не нужна; довольно, чтобы дѣло было объяснено коротко и ясно. Совсѣмъ тѣмъ написать дѣловое письмо не есть бездѣлица и не всякой это можетъ сдѣлать. Для этаго надобенъ правильной умъ и здравой разсудокъ. Бертопрахъ и легкомысленная недоученая женщина рѣдко могутъ написать такое письмо. Хорошо писать о комерціи, законоискуствѣ есть дѣло государственнаго человѣка. Такого рода письмы пре-

буютъ способности, размышленія, привычки и прямодушія въ сужденіяхъ.

Всякой человѣкъ больше или меньше обязанъ занимашься домашними своими дѣлами; очень худо, если кто пренебрегаетъ этою обязанностію, потому что она служитъ лучшимъ средствомъ для образованія человѣка. Въ жизни найдутся тысячи различныхъ случаевъ, которые мало по малу усовершенствываютъ человѣка.

Прощай, мой любезной другъ; въ слѣдующій разъ я сообщу тебѣ другіе предметы. Не пропускай безъ вниманія ни одного слова изъ

всего, мною писаннаго, тѣмъ больше, что это извлеченіе изъ уроковъ одного превосходнаго учителя, который бываетъ у моего наставника.

Я читалъ письмо сестрицы твоей Полиньки. Она боится показаться мнѣ незнающею; однакожъ можетъ быть совершенно спокойною на этотъ щетъ; почитать ее таковою была бы величайшая несправедливость. Разборчивость ее во всѣхъ случаяхъ восхищаетъ меня, но я столько уважаю ее, что не смѣю даже и хвалить, опасаясь, чтобъ не почли того лестію. Впрочемъ не могу удержаться, чтобъ

не одобрить забавнаго ее сравне-
нія Римскаго Авгура съ Француз-
скимъ шарлатаномъ Ле Контомъ.
Прощай, любезной Фединька!

ПИСЬМО XV.

ПОЛИНЬКА КЪ НАДИНЬКѢ.

11 Іюня.

Очень, очень глупо было бы, еслибъ я вздумала бранить тебя, милая сестрица, тогда, какъ ты сама съ такимъ чистосердечіемъ себя обвиняешь и такъ мило умѣла исправить свой проступокъ. Признательно скажу, что я даже оправдываю ссору твою съ Соничькою; мнѣ кажется, въ отказъ твой вмѣшалась мысль, что кукла подарена тебѣ сестрою По-

линькою, слѣдовательно тебѣ непріятно было съ нею разлучиться.

Такимъ точно образомъ я берегу превосходныя письма Гжи Севинье, которыя подарилъ мнѣ дядинька отъ твоего имени, мнѣ даже непріятно, если которая нибудь изъ пансіонерокъ подругъ моихъ, попроситъ на минуту только взглянуть на нихъ; чувствую что это дурно, чтожъ дѣлать, не могу удержаться.

Прилагаю, милая сестра, письмо Г. Свѣтинскаго, которое я получила сего дня по утру. Признаюсь, оно очень достойно, чтобъ хорошенько его разобрать и вникнуть; я свѣряла его съ своею за-

писною тетрадью, совѣтую и тебѣ тоже здѣлать. .. Меня зовутъ въ классъ; прощай, любезная Надинька, надобно разспаться. Нѣжной другъ твой и сестра

Пелагея Любина.

NB. Папинька твой, опъѣзжая въ Коломню, заѣхалъ ко мнѣ и привезъ коробочку съ конфетами отъ твоего имени; благодарю, милая.

ПИСЬМО XVI.

Г. ЧАДОЛЮБОВЪ КЪ НЕВѢСТКѢ СВОЕЙ ЛЮБЕНСКОЙ.

12 Іюня.

Цѣлые два дни, какъ вы живете въ своей подмосковной, любезная моя Лиза, и я чуть чуть въ эти два дни не сошелъ съ ума. Скука смертельная. Я такъ привыкъ часъ другой посидѣть съ вами по утру, что вчерась и нынче не видя ни васъ, ни милой внучьки моей Надиньки, умираю съ тоски. Пріѣзжайте поскорѣе назадъ; вы сами не хотѣли долго оставаться въ

деревнѣ ; чувствую, что не могу пробыть безъ того, чтобъ не обнять каждаго изъ васъ хотя одинъ разъ въ день ; я почитаю это первѣйшимъ удовольствіемъ въ престарѣлой моей жизни. Впрочемъ я слава Богу здоровъ по моимъ лѣтамъ, или лучше сказать Богъ меня подкрѣпляетъ; совсѣмъ тѣмъ уже приготовился пуститься въ дальній путь, котораго хотя не желаю и не боюсь, но хотѣлось бы предпринять сколько можно позднѣе. Таковъ человѣкъ, мой другъ!

Мнѣ надобно тебѣ изъяснить, любезная Лиза, пока въ силахъ еще владѣешь перомъ и совершенно оправдать себя въ вашихъ гла-

захъ въ разсужденіи переписки, за-
тѣянной мною между четырмя
любезными нашими дѣтьми; я го-
ворю четырмя потому, что какъ
тебѣ извѣстно Свѣтинскій, кото-
рого достойному родителю на
смертномъ одрѣ далъ я слово
имѣть попеченіе какъ о воспита-
ніи его, такъ и выгодахъ, столь-
ко же для меня милъ, какъ соб-
ственной мой сынъ, и по самой
этой причинѣ я не дѣлаю нака-
кого различія между имъ и моими
внучатами.

Ты также знаешь, что я нѣко-
торымъ образомъ систематикъ,
какъ говорятъ въ свѣтѣ, и что

вообще дѣлаю все вопреки другимъ.

Въ твоей волѣ, и я не могу имѣть никакого права на то сердиться, раздѣлять общее мнѣніе, что не прилично, какъ говорятъ, позволять молодымъ людямъ обоего пола вести между собою переписку; по ихъ мнѣнію и по принятому обыкновенію молодежъ не должна имѣть другъ съ другомъ такого искренняго и коротkаго сношенія.

Ты видишь, что я не стараюсь ни ослаблять такихъ возраженій, ни осуждать ихъ и предоставляю ихъ себѣ во всей силѣ.—Вотъ мой отвѣтъ:

1. Никто не думаетъ находить неблагопристойнымъ, ни даже неприличнымъ, позволяя дѣтямъ обоего пола и одинакаго возраста съ моими внучатами, играть и шалить вмѣстѣ въ гостиной, гдѣ они могутъ говорить все, что придетъ имъ въ голову и даже не требуютъ, чтобы надзирательницы или дядьки въ это время неотлучно находились при нихъ. Такая благородная свобода даже необходима для того, чтобы нечувствительно пріучить ихъ сдѣлаться самимъ собою учтивыми, скромными и добродѣтельными. Почему же, спрашиваю я, разговоръ на-бумагѣ, разговоръ общій, и сверьхъ

того находящійся подъ руководствомъ снисходительнаго и опытнаго отца семейства можетъ быть опасенъ?

Если бы Полинька моя вздумала писать тайно, по собственной волѣ, къ какому нибудь молодому человѣку (положимъ, что онъ со временемъ сдѣлался бы ее мужемъ) въ такомъ случаѣ я не сталъ бы терпѣть; но здѣсь совершенно другое дѣло. Я первой зачинщикъ этой переписки; я первой все предусмотрѣлъ и далъ направленіе мыслямъ любезныхъ моихъ питомцевъ такъ, что они ни мало о томъ не воображаютъ; въ прочемъ я могу и остановить

ихъ, когда найду то необходимымъ. Ты знаешь планъ нашъ, что если не встрѣтится никакого препятствія, по возрастѣ ихъ соединишь; и такъ пріучимъ ихъ за ранѣе говорить другъ съ другомъ чистосердечно. Только таинственность и недовѣрчивость опасны.

2. Люди часто обманываются въ правилахъ воспитанія, когда хотятъ уступить пустымъ предразсудкамъ. Одинаково вести себя не возможно позволить дѣтямъ всѣхъ вообще состояній. На примѣръ: воспитаніе молодой дѣвушки, назначенной для монастыря, не должно имѣть ни тѣхъ оснований, ни тѣхъ послѣдствій, какія

необходимы для образованія дѣвицы, которая готовится играть значительную роль въ свѣтѣ и сдѣлаться нѣкогда супругою и матерью.

Разсмотримъ и поговоримъ теперь объ этихъ различныхъ оттѣнкахъ. Милая ваша Надя, которую мы готовимъ, если Богу будетъ угодно, въ подруги Фединькѣ, что не льзя почитать однакожъ невозможнымъ послѣ сдѣланныхъ нами расположеній, можетъ ли составить его благополучіе и найти собственное получивъ практическое воспитаніе затворницы. Умъ человѣка образуется ли одинаково? Нѣтъ, безъ

сомнѣнія; долженъ ли онъ слѣдовать одному направленію? Еще и того меньше. Мнѣ кажется я очень хорошо видѣлъ, очень хорошо понялъ, что прилично для моихъ питомцевъ. Будь увѣрена, что я преподаю имъ только тѣ правила, которыми они безъ опасенія могутъ пользоваться, и не думай, чтобы дѣвушка, которая ведетъ переписку подъ руководствомъ опытнаго дѣда, когда либо могла сбиться съ прямой дороги.

Что же касается до добраго друга моего Свѣтинскаго, которой столько необходимъ для моихъ видовъ, онъ съ пользою употреб-

ляетъ уроки своихъ учителей. Повторя другимъ, онъ больше вникаетъ въ нихъ самъ; письменной слогъ всѣхъ ихъ четверыхъ образуется съ помощію благоразумной свободы, умъ ихъ развертываясь, получитъ приращеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ сердца ихъ привяжутся къ тѣмъ, кого должны они нѣкогда любить. Моя драгоцѣннѣйшая надежда, любезная Лиза, чтобы самые эти письма, въ которыхъ строгіе наблюдатели хотятъ видѣть неприличіе, со временемъ служили примѣромъ для дѣтей моихъ внучатъ.

Однакожъ пора кончить, рука устала и въ глазахъ даже потѣм-

нѣло. Прощай, другъ мой; прочитай все это любезному своему мужу, поцѣлуй его за меня и оба не переставайте меня любить столько же, сколько я васъ люблю.

Старуха моя, прочитавъ длинное мое посланіе, сказала: удивляюсь, какъ можно писать такъ много и съ такою легкостію, и вдругъ положивъ свои очки, съ нѣжностію меня обняла. Добрая эта женщина восхищается моими надеждами; всѣ жилы ее бьются отъ удовольствія и нѣжности, какъ сама она увѣряетъ, когда видитъ милыхъ нашихъ внуковъ, собравшихся около насъ или забавляющихся невинными

своими играми — мы васъ послѣ завтра непремѣнно всѣхъ ожидаемъ.

ПИСЬМО XVII.

ФЕДИНЬКА КЪ НАДИНЬКѢ.

14 Іюня.

Я прочелъ, милая Надинька, письмо твое о Географіи и чрезвычайно изумился; я никакъ не могъ воображать, чтобъ ты была такъ свѣдуща въ познаніи описанія земнаго шара; ты безъ всякой ошибки назначала всѣ мѣста, и коротко и ясно опредѣлила каждое. Если тебѣ никто не помо-

галъ, то это совершенное чудо; какъ говоришь дѣдинька.

Другъ нашъ Свѣшинскій замѣтилъ три ошибки въ правописаніи, которыхъ необходимо должно стараться избѣгать, сказалъ онъ, а именно: мѣстоименіе притяжательное вмѣсто убѣдительнаго, то есть слово *это* вмѣсто *это*; онъ самъ подробнѣе изъяснитъ тебѣ все при первомъ свиданіи.

Мы довольно насмѣялись надъ замѣчаніями сестры Полиньки на щетъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ Римской Исторіи. Она терпѣть не можетъ Ромула, за то только, что онъ

похитилъ Сабинокъ, и говоритъ на опрѣзъ, что этому никакъ не льзя вѣрить или первые эти Римляне, сколько всѣми прославляемые, при самомъ началѣ были ничто иное, какъ разбойники. Свѣтинскій говорилъ, что она нѣкоторымъ образомъ права, но дѣдинька только что смѣялся не сказавъ ни да, ни нѣтъ.

Я съ большимъ нетерпѣніемъ жду, любезная Надинька, обѣщанное тобою подробное изъясненіе *о Зодіакѣ* и начинаю думать, что на этотъ щетъ ты гораздо ученѣе меня, потому что я совсѣмъ не постигаю, какъ можетъ Зодіакъ сколько быть обширенъ,

чтобъ вмѣстить въ себѣ двенадцать солнечныхъ знаковъ; голова даже мѣшается, и признаюсь, я иногда только говорю, что понимаю, а между нами сказать совсѣмъ ничего не понимаю. Сестрица третьяго дня дала намъ прочитать длинное твое письмо, въ которомъ ты описываешь ссору свою съ Сонечькой изъ-за куклы. Я думаю, что былъ бы въ состояніи побить ее за то, что она надѣлала тебѣ столько непріятностей, однакожь если говорить правду, надобно бы тотчасъ согласиться отдать ей куклу, и я очень дурно поступилъ, что присовѣтовалъ тебѣ отказать.

Ты отгадала. Стоя въ углу, я отъ стыда не смѣлъ пошевелить-ся; ахъ! какое доброе у тебя серд-це; ты даже и не немекнула, что я причиною такого отказа, я го-товъ былъ передъ всѣми приз-наться въ своей винѣ; но призна-юсь, нѣсколько струсилъ, услы-ша, какъ сухо начала говорить Со-ничькина маминька, однакожъ чрез-вычайно досадовалъ на себя, что того не сдѣлалъ.

Носится слухъ, и я нетерпѣ-ливо желаю, чтобъ онъ сбылся, будто бы на слѣдующей недѣлѣ всѣ мы поѣдимъ въ новую деревню, ко-торую папинька твой недавно ку-пилъ въ Коломенскомъ уѣздѣ. Ска-

зываютъ, что тамъ построенъ ботикъ и мы станемъ катаиться на немъ по Москвѣ рѣкѣ; вотъ что безподобно, ты увидишь, съ какимъ искуствомъ я буду управлять весломъ.—Прощай, добрая моя Надинька.

ПИСЬМО XVIII.

СВѢТИНСКІЙ КЪ ФЕДИНЬКѢ.

15 Іюня.

Станемъ продолжать, любезной другъ, разсматривать различные роды писемъ, потому что въ жизни человѣка это вещь самая необходимая. Мы говорили уже о письмахъ поздравительныхъ, учтивыхъ, забавныхъ, и наконецъ о дѣловыхъ. Скажемъ теперь о письмахъ, изъявляющихъ чистую

благопристойность, потомъ упомянемъ о дружескихъ и кончимъ должностными.

Письмо, изъявляющее благопристойность, обыкновенно должно быть очень коротко, холодно и всегда почти размѣрено. Въ немъ ограничиваются обыкновенными учтивостями; довольно, чтобы слогъ былъ безошибоченъ, точенъ, безъ всякаго намѣренія; потому что если къ такому письму приложить изъясненіе о какомъ либо дѣлѣ, то слогъ здѣлается надутой, скучной или по словамъ остроумной Гжи. Севинье, чрезвычайно пухлой. Молодые люди вообще мало имѣютъ случаевъ пи-

сать подобныя письма; но какъ онѣ нѣкоторымъ образомъ сходствуютъ съ должностными, то также надобно учиться писать ихъ, чтобы въ случаѣ нужды не затруднять себя. Впрочемъ ничто не въ силахъ замѣнить натуры; искусство никогда не можетъ подражать ей, - трудись больше, и во всемъ успѣешь.

Это правило равно необходимо и въ такомъ случаѣ, когда вы пишите къ другу дружескія письма пространѣе всѣхъ прочихъ; содержаніе ихъ должно происходить отъ сердечнаго излiянія, въ слогѣ чтобъ была видна чистая непринужденность, и вездѣ неограничен-

ность въ выраженіяхъ. Два пріятеля, если бы даже это были мущина съ женщиною, найдутъ сотни тысячь пріятныхъ и благопристойныхъ вещей сообщить другъ другу и въ письмахъ ихъ принужденность не должна имѣть никакова мѣста. Въ такомъ случаѣ перу надобно дать полную свободу, соблюдать вездѣ натуральной разговорной слогъ и ограничиваться одною общественною благопристойностію. Есть много прекраснѣйшихъ образцовъ подобнаго рода въ письмахъ Плинія, Цицерона и проч.

Въ наше время также много хорошихъ писателей, впрочемъ

письмы Гжи Севинье почитаются лучшими; писанныя къ Гну и Гжѣ Де Куланжъ достойны служитъ превосходнымъ примѣромъ. Въ нашъ вѣкъ, названной упо-ченнымъ еще не писали такъ; не смотря на то, что Гжа Севинье жила въ царствованіе Людовика XIV, слѣдовательно слишкомъ за столѣтъ, со всѣмъ тѣмъ, чтобы писать *дружескія* письма, надобно имѣть *друзей*, истинныхъ *друзей*. Названіе друга не льзя дать человѣку, съ которымъ мы видимся только въ обществахъ, хотя свѣтское обыкновеніе требуетъ писать дружески къ людямъ, съ которыми мы встрѣчаемся на ба-

лахъ, въ собраніи, въ театрѣ, однимъ словомъ, съ тѣми, которымъ говоримъ пожавъ руку: *здравствуй, милой!* Вздумавъ писать къ тѣмъ людямъ, говорю я, мы взявшись за перо, ищемъ словъ, боимся написать что нибудь лишнее; однимъ словомъ вездѣ видна принужденность; а отъ чего? отъ того, что сердце наше мало въ томъ участвуетъ и хотя наружно мы почитаемъ ихъ друзьями, но внутренно не довѣряемъ, потому что они не истинные друзья.

Теперешнее разсужденіе очень сходно съ изъясненіемъ писемъ, называемыхъ *должностными*, съ тѣмъ только исключеніемъ, что

послѣднія требуютъ больше важности и старанія; ихъ можно сравнить, по слогу, съ письмами, изъявляющими *благопристойность*.

Подобныя письма необходимы; часто случается нужда писать къ покровителю, къ отцу, къ родственнику, или къ большому барину. Въ такомъ случаѣ сообразуясь съ обыкновеніемъ, можно иногда употреблять полезныя выдумки, чтобы снискать благоволеніе, тронуть сердце, возбудить чувствительность, и даже, если нужно, польстить самолюбію тѣхъ людей, которые, какъ намъ извѣстно, имѣютъ вліяніе на нашу участь; однакожъ безъ всякой лжи, попо-

му что несправедливая похвала дѣлаетъ человѣка презрительнымъ въ глазахъ какъ того, къ которому пишемъ, такъ и въ глазахъ другихъ людей.

Отъ того—то и случается, что мы приходимъ въ затрудненіе начиная писать должностное письмо, потому что сердце наше неохотно принимаетъ участіе въ такомъ дѣлѣ; совсѣмъ пѣмъ надобно ежедневно нѣсколько минутъ заняться изученіемъ этихъ писемъ, чтобы въ послѣдствіи не прибѣгать къ помощи другихъ. Изъ всѣхъ занятій, относящихся до письменнаго слога, описываемое теперь есть самое неблагодар-

ное, самое трудное, самое скучное, и совсѣмъ тѣмъ крайне необходимое.

Въ слѣдующій разъ мы поговоримъ, любезной Фединька, о вещественности письма, о наружномъ его видѣ, больше или меньше приличномъ; о томъ, какъ надобно его сложить, запечатать, подписать и проч.; не должно ничего оставлять бизъ вниманія, ни чѣмъ не пренебрегать. Самыя мелочныя вещи имѣютъ свою цѣну и юнымъ нашимъ подругамъ необходимо нужно это знать. Я замѣтилъ, что сестрица твоя Полинька, (конечно отъ того, что безпрестанно занята ученіемъ), мало

заботится о формѣ письма; складываетъ его четвероугольникомъ, какъ геометрическую фигуру и забываетъ справить число. Надинька подписываетъ на скорую руку, пачкаетъ чернилами письмо, печатаетъ криво и мнетъ бумагу; даже и ты, любезной Фединька, въ своихъ письмахъ не совсѣмъ наблюдаешъ чистоту . . . однакожъ я расписался сегодняшній день. Продолжай быть внимательнымъ, люби меня по прежнему и не сомнѣвайся въ истинной дружбѣ Свѣтинскаго.

ПИСЬМО XIX.

ПОЛИНЬКА КЪ СВѢТИНСКОМУ.

18 Іюня.

Переписавъ съ большимъ спараніемъ *Надерманову* партицію для фортопіано, я два дни такъ прилѣжно учила ее, что кажется безошибочно могу разыграть при первомъ нашемъ собраніи у дѣдиньки. Партія для флейты показалась мнѣ прекрасною; правда, что вы превосходно играли ее и

какъ я нахожу, вы совершенно постигнули мысль автора.

Я вписала въ записную мою тетрадь разсмотрѣніе различныхъ родовъ писемъ, которое вы описали въ послѣднихъ своихъ двухъ. Предсправше, я нашла, что не такъ легко, какъ думала, сочинять письмы, названныя вами *поздравительными* и изъявляющими *благопристойность*. Попробовавъ написать два или три такихъ письма на удачу, нашла въ себѣ такую бѣдность въ мысляхъ, такую безплодность въ умѣ, что перемаравъ цѣлые три листа бумаги, бросила все. Надзирательница моя мамзель Арманъ, примѣтя мое не-

терпѣніе, подошла и спросила, чѣмъ такъ прилѣжно я занимаюсь, и я показала ей свое пачканье.

Представивъ себѣ нарочно, что пишу къ двоюродному моему брату и поздравляю съ полученіемъ чина Полковника, которымъ наградилъ его Государь за неуспрашимой поступокъ, оказанной въ сраженіи. Съ первыхъ строкъ я пришла въ большое замѣшательство; слова: справедливая награда вашимъ достоинствамъ, честь, пріобрѣтенная вами похвальнымъ поведеніемъ; ревность, какую заслуживаетъ такая милость и проч. и пр. такъ меня спутали, что я заблудилась въ высокихъ своихъ фразахъ

и не знала, какъ попасть на истинный путь. Мамзель Арманъ, которая въ это время не имѣла никакого важнаго дѣла, сѣла подлѣ меня и мы начали опять вмѣстѣ сочинять; но вскорѣ я увидѣла, что мы попадали въ безпрестанныя повторенія и ни на шагъ не подвигались впередъ. Наконецъ мамзель Арманъ первая захохотала и сказала мнѣ: мы ничего не сдѣлаемъ съ выдумками; если бы имѣли дѣйствительной сюжетъ, тогда, можетъ быть, пошло бы лучше; и потомъ ушла отъ меня.

Но я не теряла присудствія духа; перемаравъ еще нѣсколько ли-

сповъ, написала; при первомъ свиданіи покажу вамъ мой опытъ, если онъ не удаченъ, то по крайней мѣрѣ посмѣемся вмѣстѣ.

Надинька приготовляетъ вамъ обширное и ученое описаніе *Зодіака* и вліяніе его на земной шаръ. Оно касается больше до брата Фединьки, котораго она хочетъ не только удивить, но изумить. Самолюбіе ее нѣсколько оскорбилось, когда Фединька писалъ, что она свѣдущѣе его въ Географіи; ей показалось, что онъ въ насмѣшку это сказалъ.

Я прочла уже цѣлой томъ писемъ Гжи Севинье и такъ познакомилась съ ее семѣйствомъ,

какъ будто бы всѣхъ видѣла передъ глазами. Легко можно догадаться, что она писала безъ малѣйшаго труда; все такъ натурально и такъ просто, что всякой подумаетъ, что въ одну минуту можетъ почно также написать; однакожъ я сужу иначе. Писать такъ, какъ Гжа Севинье, надобно имѣть сердце, которое бы вмѣщало въ себѣ столько же чувствованій, и поповъ голову, которая умѣла бы также хорошо расположить выраженія.

Вы знаете, что поѣздка къ новокупленную дядинькою деревню и катанье по озеру отложено на двѣ недѣли; братъ Фединька очень на

по досадуешъ и говоришъ, что двѣ недѣли покажутся ему годомъ; что касается до меня, то и въ подожданьѣ я нахожу удовольствіе; часто случается, что въ самой тотъ день, въ которой надѣешься повеселиться, удовольствій бываетъ гораздо меньше, нежели воображаешь; впрочемъ я не боюсь за поѣздку, потому что мы всѣ будемъ вмѣстѣ. Прощайте, Г. Свѣтинскій, будьте здоровы.

NB. Здѣлайте одолженіе, передайте брашцу моему прилагаемой при этомъ письмѣ ящичекъ съ карандашами. Ихъ прислала мнѣ Надинька; я оставила нѣсколько изъ нихъ у себя.

ПИСЬМО XX.

ФЕДИНЬКА КЪ НАДИНЬКѢ.

20 Іюня въ 6 часовъ утра.

Прибѣгаю къ твоему покровительству, добрая и любезная Надинька! Я столько полагаюсь на твое дружество, что почитаю долгомъ просить твоей помощи, она мнѣ нужна; ты не откажешь, я увѣренъ, попросить за меня дѣдиньку и бабиньку, которые пріѣдутъ сего дня къ вамъ обѣдать,

а меня оставляютъ дома въ наказаніе за проступокъ, къ которой я впалъ по нещастію. Признаюсь тебѣ, я чрезвычайно обиженъ и даже впередъ не ручаюсь за себя, чтобъ не здѣлалъ того же: столько-то я раздасадованъ на мамзель Бомеръ, которая всему причиною. Прочти письмо мое одна со вниманіемъ и разбери все дѣло; потомъ я скажу, что тебѣ должно дѣлать, чтобъ выручить меня изъ бѣды. Вчера послѣ обѣда я перечитывалъ въ кабинетцѣ своемъ письмо твое къ общему нашему другу Свѣтинскому о *Сферѣ* и о *Зодіакѣ*; признаюсь я даже нѣсколько досадовалъ нашедъ

объясненіе твое такъ ясно и просто, тогда какъ я никакъ не могъ ничего понять въ описаніи Роберта Вогонди. Передо мною спо-ялъ глобусъ, которой дѣдинька далъ мнѣ на время и я ждалъ только Свѣтинскаго, потому что онъ обѣщалъ придти и разтолковать все, что покажется сомнительнымъ; вдругъ входитъ мамзель Бомеръ съ Англійскою тетрадью подъ мышкою, схватываетъ всѣ бумаги въ кучу, бросаетъ на другой столъ и бранитъ, для чего я не пришелъ ей сказать, что время брать урокъ Англійскаго языка.

Я сказалъ ей съ нѣкоторою досадою, что не посмотрѣлъ и не слыхалъ, какъ били часы и даже не думалъ, чтобы такъ было поздно; она проворчала сквозь зубъ : *чтобы такъ было поздно! чтобы такъ было поздно* ! вы всегда таковы ; это очень дурно! Какъ *всегда?* возразилъ я , не правда , вы, какъ я вижу , что-то не въ духѣ сего дня ! дайте мнѣ прежде спрятать письмо и поставить на мѣсто глобусъ.

Нѣтъ , нѣтъ, сударь, вскричала она отталкивая рукою бумаги, время для меня дорого , я не хочу терять его по пустому, вы послѣ можете это здѣлать.

Отъ движенія ли руки ее, или отъ того, что я поспѣшилъ удержать ее оттолкнуть глобусъ, выскочило изъ чернилицы перо, упало на твое письмо и закапало его въ пяти или шести мѣстахъ. Нетерпѣніе и гнѣвъ овладѣли тогда мною; назвавъ ее сумасшедшею женщиною, я схватилъ чернилицу и вылилъ всю на Англійскую ея тетрадь. Нѣсколько капель чернилъ попало на мериносовое ее платье; она закричавъ изо всѣхъ силъ, хотѣла меня ударить; но я бывъ проворнѣе ее, поспѣшно схватилъ свой диктіонеръ, здѣлалъ видъ, что если хоть пальцомъ меня тронетъ, то пущу его прямо ей въ

голову, и потомъ убѣжалъ, оспа-
вя ее съ облитой чернилами пе-
традью и въ запачканномъ платьѣ.
На шумъ нашъ всѣ сбѣжались.
Крикъ ее, замаранное платье,
тетрадь въ безпорядкѣ, облитая
чернилами, все пропивъ меня, и я
единогласно былъ осужденъ. Тѣмъ
временемъ, какъ она пошла пере-
мѣнить платье, дѣдинька прика-
залъ меня отыскать; нечего дѣ-
лать, надобно идти. Я хотѣлъ
было оправдаться; показывая
письмо, испачканное чернилами и
говоря, что предпочитаю его сот-
ни такихъ платьевъ, какое было на
ней; меня не хотѣли слушать, ска-
зали, что насильственной посту-

покъ мой не извинителенъ, однимъ словомъ осудили на трехдневной арестъ въ моей комнатѣ, и на заплашу-мамзель Бомеръ за платье изъ недѣльныхъ моихъ денегъ.

Возражать не льзя,—пошелъ подъ арестъ. Приходитъ Свѣтинскій; я крошечку отдохнулъ, но ему не ведѣно оставаться со мною и черезъ четверть часа онъ ушолъ. Я бѣсился. Но что же дѣлать? Во время ужина принесли яицъ и хлѣба, сказавъ, чтобъ я послѣ потчасъ ложился спать.

Наконецъ дѣло кончено, я успокоился и рѣшился безъ жалобы провести три дни въ уединеніи и

заплатишь за платье, но какъ опказаться отъ удовольствія? Послѣ завтра насъ звала Соничькина маминька на дѣтской балъ. Всѣ будутъ веселиться, а я сидѣть подъ арестомъ.

Такъ какъ дѣдинька тебя очень любитъ, добрая моя Надинька, то я вздумалъ избрать тебя своею посредницею и выпросить мнѣ прощеніе. Думалъ было отнестись къ Свѣтинскому, котораго онъ также любитъ, но тебя все таки больше. Къ тому же и для меня пріятнѣе быть обязану освобожденіемъ своимъ изъ-подъ ареста тебѣ, а не другому. Радость ли, горе ли, я знаю, что ты со мною раздѣ-

лишь; никто не приметъ во мнѣ столько участія, сколько ты и я увѣренъ, что охотно за меня вступишься. Слушай же, что я совѣтую тебѣ сдѣлать.

Дѣдинька сего дня по утру пріѣдетъ къ вамъ рано для одного дѣла, какъ я слышалъ, которое касается до твоей маминьки, и останется у васъ обѣдать. И такъ, добрая, хорошая моя Наденька, во время завтрака, старайся вертѣться около дѣдиньки, цѣлуй ему ручки и гляди въ глаза такъ— да ты знаешь, какъ ты всегда умѣешь дѣлать, потомъ когда увидишь, что онъ ничѣмъ не занятъ и веселъ, скажи, что

ты хочешь минуточку съ нимъ поговорить и проси, чтобъ онъ тебя выслушалъ; онъ тотчасъ возметъ тебя къ себѣ въ колѣни. Тогда скажи ему тихонько: «дѣдинька, бѣдной Федя подъ арестомъ; онъ сознается въ своей винѣ, проситъ у васъ прощенія, онъ прислалъ ко мнѣ вотъ это письмо (и письмо то мое тотчасъ и положи ему въ руку); онъ проситъ васъ прочитать его съ начала до конца и потомъ рѣшитъ его судьбу.» Сказавъ это, четыре или пять разъ обними его и бѣги въ садъ.

Я полагаю на вѣрное, любезная Надинька, что это средство

удастся; дѣдинька точно меня проститъ. Ужъ тебѣ-то не льзя отказать. Если бы мнѣ случилось когда просить за тебя, то право не отсталъ бы безъ того, чтобъ не выпросить прощенія! Доброе утро, Надинька, прощай, пожалѣй о бѣдномъ арестантѣ Федорѣ.

ПИСЬМО XXI.

ОТВѢТЪ НАДИНЬКИ.

20 Іюня въ 10 часовъ утра.

Побѣда, Фединька, побѣда! — Вставая съ поспели, я получила пвое письмо; дѣдинька пріѣхалъ въ девять часовъ и мы тотчасъ сѣли завтракать. Я дѣлала все точно такъ, какъ ты писалъ: бѣгала, вертѣлась около него и наконецъ дождалась, какъ нашелъ на него *доброй стихъ*; я говорила такъ

точно, какъ ты мнѣ назначилъ, ни больше, ни меньше; искусно положила ему въ руку письмо, обняла вмѣсто четырехъ разъ десять и потомъ здѣлавъ одинъ скачокъ, очутилась въ саду. Все происходило совершенно такъ, какъ ты писалъ, выключая только того, что дѣдинька прежде, нежели выпустилъ меня изъ рукъ, поцѣловалъ больше десяти разъ и я побѣжала отъ него очень довольною. Потомъ стала примѣчать, или лучше сказать, подглядывать (все одно и поже) въ окошко изъ-за занавѣса; я увидѣла, что прочитавъ письмо, дѣдинька утиралъ слезы. Ну, дума-

ла я, теперь слава Богу, есть надежда. — Черезъ минуту послѣ того приходитъ Луиза и говоритъ, что онъ меня спрашиваетъ; я лечу; дѣдинька былъ одинъ въ гостиной; протянувъ ко мнѣ руки: Надинька! сказалъ онъ, мнѣ кажется, что можно простить Федора, какъ ты думаешь? Изъ письма его видно, что злоумышленія никакого не было, а случилось внезапно; онъ живъ, осперъ, пылокъ, но это не хорошо; излишняя горячность всегда доводитъ до бѣды. Такъ какъ онъ сознается въ своей винѣ, то напиши ему, что все кончено, и онъ сего дня можетъ пріѣхать сюда обѣдать; да,

милая, понимаешь ли, онъ будетъ обѣдать съ тобою? Ты его защитница, слѣдовательно тебѣ и препоручаю я сказать ему, что впередъ должно быть умѣреннѣе, терпѣливѣе, особливо въ разсужденіи женскаго пола; уговори его хорошенько, другъ мой; ты этимъ всѣмъ намъ окажешь большую услугу. — Ну, ступай же, отпиши къ нему, что я его прощаю. Однакожъ все таки надобно купить на платье мамзель Бомеръ; ну, да это бездѣлица, скажи Фединькѣ, что я помогу ему. »

Лишь только дѣдинька кончилъ, я бросилась къ нему на шею; въ

ту минуту вошелъ папинька; дѣ-
динька далъ ему прочитать пись-
мо твое; вскорѣ пришла маминь-
ка, которая также прочла его;
такимъ образомъ здѣсь всѣ зна-
ютъ о твоихъ проказахъ и какъ
мнѣ показалось, никто тебя не
обвиняетъ. Хотя я пишу на ско-
ро, однакожъ слово въ слово; ты
не можешь представить, какъ я
обрадовалась, видя, что все кон-
чилось благополучно.

Прощай, Фединька; пріѣзжай
пожалуста поскорѣе, мы наи-
граемся въ волю; большая моя кук-
ла пустилась дѣлать глупости.
Луиза дала ей учить роль изъ

мелодрамы ; я помираю со смѣху, глядя, какъ она ее коверкаетъ ; даже маминька не можетъ удержаться отъ смѣха.

Кстатѣ, ты знаешь, что у меня ухо довольно остро, такъ скажу тебѣ, что я слышала, впрочемъ не стараясь искать къ тому случая, будто бы мамзель Бомеръ не одобряетъ переписки, которую дѣдинькѣ угодно было завесть между нами и Свѣтпинскимъ ; кажется, что она имѣла неосторожность распустить дурные слухи объ этомъ въ другихъ домахъ ; это узнано ; говорятъ, что она очень странно перетолковывала нашу переписку. Я

не знаю и не понимаю, къ чему кло-
няпся эти переполковыванія; но
если не ошибаюсь, мамзель Бо-
меръ не долго проживешъ у насъ.
Прощай Фединька, до скораго сви-
данія.

ПИСЬМО XXII.

СВѢТИНСКІЙ КЪ ПОЛИНЬКѢ.

23 Іюня.

Вы правы, сударыня, Надинькино описаніе земнаго шара прекрасно, умно, и доказываетъ, что въ Географіи она большой знатокъ. Я списалъ его для себя и вмѣстѣ съ нимъ скопировалъ рисунокъ съ десяти круговъ, которые она начертала съ величайшею точностію и, какъ видно, съ большимъ прилѣжаніемъ. Совѣтую

и вамъ сдѣлать тоже, Федины-ка гордится своею работою; онъ очень удачно снялъ рисунокъ и хочетъ вставить его въ раму; что же касается до васъ, то я ни сколько не сомнѣваюсь, чтобъ вы не скопировали его точнѣе и чище.

Въ послѣднемъ письмѣ своемъ отъ 15 числа текущаго мѣсяца я обѣщалъ сказать мое мнѣніе въ разсужденіи наружной формы письма, которую необходимо должно замѣчать при отправленіи писемъ. Вотъ, что предписываютъ обыкновенія и благопристойность:

Вообще, если вы адресуете письмо къ знатному человѣку, или къ особѣ заслуживающей боль-

шое уваженіе, на первой страницѣ не начинайте писать высоко, а оставляйте больше пустаго мѣста въ верху, также и оканчивать страницу не надобно низко; не переносите словъ съ одной строчки на другую; не забывайте сообразоваться съ чиномъ или достоинствомъ того лица, къ которому пишете, какъ въ началѣ, такъ и при окончаніи письма; заключеніе дѣлайте приняпыми въ употребленіе формами; глубочайшимъ почтеніемъ, или просто почтеніемъ, отличнымъ уваженіемъ, или совершенною преданностію и проч. и проч., судя по чину, званію и достоин-

ству особы. Я представлю вамъ небольшую картину на щетъ этихъ приятныхъ всѣми обыкновеній, которые въ прочемъ описаны во многихъ книгахъ, относящихся до такова предмета.

Если вы намѣрены писать письмо къ знатной особѣ, примѣчайте, чтобъ бумага была больше обыкновенной; написавъ его, сложите въ четверо, обертку здѣлайте изъ чистой бумаги и запечатайте хорошенько сургучомъ.

Для письма къ другу, или равному званіемъ, довольно одного обыкновеннаго почтоваго листа безъ обертки; только складывая его, надобно замѣтить, чтобы безпо-

лезною складкою не измять бумаги, потому что это дѣлаетъ дурной видъ. Въ такомъ случаѣ должно наблюдать, чтобъ форма свернутаго письма была нѣсколько продолговата, а не четвероугольна потому, что это красивѣе; также запечатано чтобъ было не криво, а на срединѣ и печать вышла явственно.

Адресъ долженъ быть написанъ четкими буквами; строчки чтобы шли ровно, безошибочно, чисто, одна другой меньше къ правой рукѣ и не замараны чернилами, короче, чтобы имѣло красивой видъ.

Все, что вы ни дѣлаете, что

ни пишите, любезная Полинька, одним словомъ, все, что ни выходитъ изъ вашихъ рукъ, прекрасно, однакожъ позвольте здѣлать маленькое замѣчаніе и о вашихъ письмахъ. Вы сверпываете ихъ, не подумавъ прежде, какую форму будутъ они имѣть; иногда походятъ онѣ на четвероугольникъ, а иногда больше въ ширину, нежели въ длину, отъ чего надпись теряетъ всю красоту.

Какъ я знаю навѣрное, что Надинька также должна прочесть письмо мое, то смѣю надѣяться, что она охотно выслушаетъ совѣтъ друга въ разсужденіи умѣнья складывать письма; непремѣнно на-

добно, чтобъ она оставила привычку сгибая и перегибая ихъ, приводить въ такой малой видъ, что слуга, которому поручено отнести такое письмо, легко можетъ потерять его. По мѣрѣ малаго формата она принуждена и адресъ подписывать мѣлкими буквами, связно, отъ чего трудно разобрать подпись. Братецъ вашъ Фединька дѣлаетъ совершенно тому противное; онъ подписываетъ письма чрезмѣрно крупными литерами, отъ чего адресъ его походитъ на объявленіе. Впрочемъ съ небольшимъ вниманіемъ легко можно поступать такъ, какъ я писалъ теперь; мнѣ самому столь-

коже, вакъ вамъ, нужно замѣчать за собою.

Что же касается до переписки между искренними друзьями, особливо между молодыми особами, по часто пишутъ на бумагѣ самаго малаго формата: съ виньетами, съ бордюрами, на золотообрѣзной, на розовой, или на другой какого нибудь нѣжнаго цвѣта; въ такомъ случаѣ употребляютъ иногда для запечатанія вмѣсто сургуча облатки, которыя покупаются готовые; кажется не нужно замѣчать вамъ, любезные друзья, сколько старанія и чистоты требуютъ эти прекрасныя письмеца, изобрѣтенныя роскошью, и сколько

нужно, чтобъ почеркъ былъ четокъ, размѣренъ и красивъ. Какую бы дурную фигуру представило чернильное пятно въ письмѣ, написанномъ на золотообрѣзной розовой бумагѣ съ бордюрами.

Такая бумага особенно употребляется для поздравленій съ праздникомъ, съ новымъ годомъ, для мелкихъ стихотвореній и проч. Хотя это нѣсколько пахнетъ легкомысленностію, однакожъ я очень далекъ отъ того, чтобъ осуждать такое обыкновеніе; а по чему? Вотъ какая причина: на простой писчей бумагѣ можетъ быть по причинѣ не столько красиваго ее вида, или шероховато-

ети! никакъ не можешь, или луч-
ше сказать не хочешь писать чи-
сто и безошибочно; всегда напа-
детъ противъ воли какая то лѣнь,
безпечность, тогда какъ на пре-
красномъ маленькомъ атласномъ
листочкѣ пишешь съ большимъ
удовольствіемъ, четко, ровно и съ
прилѣжаніемъ. Это можно срав-
нить съ исторіею той маленькой
барышни, которой отецъ, помѣ-
щикъ Тульской Губерніи и которая
въ прошедшемъ году гостила у ва-
шей бабиньки. Въ Воскресенье она
всегда была чисто одѣта и на нее
очень пріятно было смотрѣть; но
съ Понедѣльника опять до Воскре-
сенья, сколько ее ни бранили, а

платье у ней было запачкано, изорвано, закапано воскомъ, саломъ, чернилами, однимъ словомъ такъ гадко было смотрѣть, что бабинька принуждена была отослать домой эту замарашку.

Я былъ въ восхищеніи, услыша, что вы съ большимъ удовольствіемъ читаете книги, подаренныя вамъ Надинькинымъ папинькою; жаль, что мало имѣете на то времени. Мы много смѣялись съ мамзель Арманъ, разговаривая о вашемъ опытѣ написать поздравительное письмо, она немножко скоро ушла отъ васъ, однакожь вы очень хорошо сдѣлали, что не потеряли надежды; будьте увѣрены, что вы достиг-

непе цѣли, природа одарила васъ всѣми способносіпями. Я шакже могу сказапь и о Надинькѣ; она не имѣепъ нужды въ большихъ усиліяхъ, попому чіпо какъ господинъ Чадолюбовъ, шакъ и я, замѣпили съ большимъ удовольсіпвіемъ, чіпо для нее ученіе сполька же пріяпно, какъ и игры.

Я съ неперпѣніемъ жду того вечера, въ которой будемъ вмѣспѣ разыгрывапь *Надермановъ* дуэпъ. Что ни говорипе, но я не сполько увѣренъ въ моей парпіи, сколько вы въ своей. Примѣчапельные и лукавые глазки Надиньки навѣрное разспроятъ меня. Она шакъ хорошо и съ па-

кою легкостію разбираетъ ноты, что ни малѣйшая ошибка отъ нее не укроется. Я совершенно у ней въ рукахъ; боюсь всегда ошибиться; знаю, что если пропущу или возьму не ту ноту, то мнѣ на вѣрное достанется доброй ударъ по плечу, а это приведетъ меня въ замѣшательство. Прощайте, желаю, чтобы всѣ ваши желанія исполнились.

P. S. Вчера насъ провожали въ панораму, представляющую *Римъ*. Мнѣ очень хотѣлось, чтобъ вы были съ нами и посмотрѣли на этотъ знаменитой городъ, котораго учите Исторію.

ПИСЬМО XXIII.

СОНИЧЬКА КЪ НАДИНЬКѢ.

25 Іюня.

Знаешъ ли, милой другъ, что и я буду на праздникѣ въ новой вашей деревнѣ. Вчерась папинька твой пріѣзжалъ къ намъ; онъ звалъ маминьку и меня также; мы пробудемъ у васъ Воскресенье и Понедѣльникъ; двоюродной братецъ мой Петруша также приглашенъ, равно какъ молодой Ясеневъ съ

обѣими сестрами: и такъ насъ будетъ около двенадцати малолѣтныхъ. Я слышала, что въ Воскресенье вечеромъ мы будемъ танцовать.

Маминька приказала сшить мнѣ безподобное платье и обѣщала заказать новую шляпку. Я увѣрена, любезная Надинька, что ты также прекрасно будешь одѣта; вѣдь ты всегда охотница щеголять.

Сказываютъ, что Полинька, братецъ ея и Г. Свѣтинскій также будутъ участвовать въ маленькомъ нашемъ обществѣ. Ахъ, какъ это прекрасно Особенно говорили о катаньѣ въ бошикѣ, на копо-

ромъ мы приплывемъ къ острову, гдѣ найдемъ вкусной полдникъ.— Я безъ ума отъ радости, а пуще всего отъ катанья по водѣ. Какъ до того осталось еще три дни, то есть время хорошенько приготовиться.

Главной предметъ моего письма состоитъ въ томъ, чтобъ спросить тебя, доброй другъ мой, какого цвѣта будетъ лента у тебя на поясѣ, чтобы на шляпкѣ у меня были такія же. Мнѣ хочется имѣть цвѣтъ одинакой съ твоимъ для того, что ты будешь царицею праздника, какъ я слышала; Полинька выберетъ тотъ же,

я увѣрена, а Ясеневы просили меня дать имъ знать, какъ широки ленты и прислать образчикъ.

Прощай, милинькая Надинька. Я заранѣе воображаю, какъ весело мы проведемъ этотъ день! Папинька твой сказалъ намъ, что онъ велѣлъ всѣ весла у ботика выкрасить желтою и голубою красками. Нетерпѣливо желаю видѣть, какъ Фединька будетъ управлять весломъ; я думаю, что онъ это сдѣлаетъ съ большою ловкостію и искусствомъ. Петруша пойдетъ сего дня брать урокъ у нашего садовника, которой былъ когда-то гребцомъ; а такъ какъ въ саду у

насъ есть маленькой прудокъ, по онъ и обѣщалъ выучить его гре- сти весломъ, однакожъ я сомнѣ- ваюсь, чтобъ онъ могъ быть столь- ко же искусенъ, какъ Фединька.

ПИСЬМО XXIV.

НАДИНЬКА КЪ СОНИЧЬКѢ.

26 Іюня.

Спѣшу, милая Соничька, увѣдомить тебя обо всемъ, что ты хочешь знать. Распорядительница маленькаго нашего праздника Полинька рѣшила, чтобы на бѣлыхъ платьяхъ и шляпкахъ нашихъ были ленты пунцоваго цвѣта въ три пальца шириною; молодые наши гребцы должны имѣть такія же; папинька приказалъ выбрать

шесперыхъ деревенскихъ мальчи-
ковъ посильнѣе, которые будутъ
одѣты въ бѣлое платье съ куша-
ками ранжеваго цвѣта, чтобы
въ случаѣ нужды помогать греб-
цамъ и повиноваться повелѣніямъ
начальника ботика. Впереди бу-
дутъ ѣхать на лодкѣ шесть чело-
вѣкъ музыкантовъ, которые по-
слѣ назначены составлять оркестръ
небольшаго нашего бала. Что-
бы дополнить число двѣнадцати
дѣтей, маминька пригласила еще
сверьхъ дѣвицъ Ясеневыхъ и бра-
та ихъ Вариньку Залинскую, съ
которой и ты знакома, и обоихъ
сыновей господина Трубницына;
за ними пошлютъ въ пансіонъ.

Я также, какъ и ты, надѣюсь хорошо повеселиться въ эти два дни, особливо если погода будетъ пріятная, чего и должно ожидать по термометру. Фединька спанетъ танцовать со мною новое па въ двоемъ, которое показалъ намъ учитель: мы выучимъ и тебя; если хочешь, также и Петрушу, и вы можете вмѣстѣ танцовать.

Я когда-то видѣла на твоемъ фортопіано *черную шаль*, которой музыка такъ понравилась Московской публикѣ; здѣлай одолженіе привези мнѣ ее съ собою въ Воскресенье, или, если можешь, пришли ко мнѣ завтра; я успѣю спи-

сать ее и выучить. Прощай, Соничька, мой другъ, вѣрь истинной дружбѣ твоей Надиньки.

P. S. Папинька купилъ мнѣ большаго арлекина и піеро. Мы заставимъ ихъ играть сцены изъ комедій съ моею куклою, которая много меня забавляетъ по вечерамъ. До свиданія.

ПИСЬМО XXV.

ФЕДИНЬКА КЪ СВѢТИНСКОМУ.

1 Іюля.

Съ большою радостію узналъ я, доброй другъ мой, что болѣзнь твоя прошла, и ты расположенъ завтра у насъ обѣдать. Пріятное это извѣстіе дало мнѣ смѣлость писать къ тебѣ, чтобъ снова выразить все то, что я чувствовалъ третьяго дня, увидя, какъ ты бросился въ воду для спасенія Сестры Полиньки и Надиньки, ко-

шорыя безъ твоей неустраши-
мости вѣрно бы утонули.

Ахъ, любезной Аркадій Нико-
лаевичь, еслибъ ты зналъ, какъ
я испугался?— Кто бы могъ по-
думать, что двухдневное празд-
нество и всѣ наши удовольствія
кончатся такимъ бѣдственнымъ
приключеніемъ! честь и слава те-
бѣ! ты не потерялъ присутствія
духа тогда, какъ мы окаменѣли
отъ ужаса. Полинька здорова и оп-
правилась уже въ свой пансіонъ;
Надинька, которая ушибла не мно-
го колѣно, говоритъ, что это ни-
чего не значитъ; она по обыкно-
венію сего дня все утро бѣгала и
прыгала по саду. Изъ всѣхъ учас-

пировавшихъ въ праздникѣ остались недовольными одни только сыновья Г^на Трубницына, которымъ, какъ я слышалъ, здѣланъ строгой выговоръ, да и есть за что: еслибъ они не заспорили и не поссорились, то все бы кончилось благополучно.

Прощай, мой другъ, мы всѣ ожидаемъ тебя, нетерпѣливо желая обнять разъ сто отъ чистаго сердца.

Повѣрь, любезной Свѣтинскій, что ужасной этотъ день вѣчно останется у меня въ памяти, и я во всю свою жизнь буду благодарнымъ тебѣ другомъ.

ПИСЬМО XXVI.

ЛЮБЕНСКОЙ КЪ Г^ЖѢ ЧАДОЛЮБОВОЙ.

Вторникъ 1 Іюля.

Милостивая Государыня матушка!

Крайне сожалѣя, что флюсъ воспрепятствовалъ вамъ посѣтить двухдневной нашъ праздникъ, спѣшу извѣстить васъ подробно о всѣхъ удовольствіяхъ, которыми мы наслаждались, равно и о непріятномъ приключеніи,

случившемся съ нами вчера ввечеру отъ глупости двухъ шалуновъ, которое однакожъ не имѣло никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Воскресенье мы провели какъ не льзя лучше: маленькой концертъ послѣ завтрака, катанье по озеру, высадка на островокъ, находящійся посреди его, бѣганье въ запуски, обѣдъ въ рощѣ и небольшой балъ вечеромъ, все это можно назвать очаровательнымъ зрѣлищемъ; непритворная радость блистала на лицѣ всѣхъ и каждаго. Дѣти были въ восхищеніи; никто не нарушилъ порядка и веселости ни на одну минуту. Однимъ словомъ никто не проводилъ

такъ пріятно время, какъ мы въ этотъ день.

Въ полночь всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, давъ слово провести и завтрешній день такимъ же образомъ; ночью здѣлалась гроза и продолжалась до свѣта. Сильной дождь испортилъ всѣ дорожки въ садовыхъ аллеяхъ, обмылъ всю зелень и здѣлалъ невозможною прогулку; надобно было оспаться въ комнатахъ; послѣ завтрака старшіе изъ молодыхъ людей стали играть на биліартѣ, а дѣвочки принялись за музыку; мало по малу къ нимъ присоединились и матери, и мы съ пріятнымъ удивленіемъ видѣли, какъ

вдругъ развернулись въ нихъ прежніе шаланпы, давно уже ими забытые.

Такое открытіе привлекло общество въ гостиную; музыка одушевила всѣхъ и разговоръ здѣлался общій. Начали играть вальсъ. Веселость переходя опъ одного къ другому, разгорячила воображеніе, и когда начался разговоръ о танцахъ, то всѣ большіе и малые пустились вальсировать и кружились до обѣда тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что всякой одѣтъ былъ за — просто и принужденность совершенно изгнана изъ общества. Я никогда не видалъ такого разнообразія и съ удивлені-

емъ видѣлъ, что въ вальсѣ женщины и дѣвушки гораздо неуклюжѣе и крѣпче мущинъ; спіарики наши можетъ быть не очень одобряли такую забаву, а строгіе моралисты еще меньше; но что же дѣлать? Зло перестанетъ, можетъ быть, почитаться зломъ, когда оно здѣлается всеобщимъ.

Небо опять здѣлалось чисто, тогда въ полдни установилась. Во время обѣда разсуждали, какъ провести остатокъ дня; разумѣется, что всѣмъ хотѣлось выдти на чистой воздухъ. Наканунѣ катанье по водѣ такъ показалось всѣмъ пріятно, что съ общаго со-

гласія было рѣшено возобновить его. Правда, многіе изъ нашихъ музыкантовъ рано по упру еще уѣхали въ городъ, а матросы, взятые изъ крестьянъ, принялись за полевую свою работу, но у насъ осставалось еще довольно людей; слѣдовательно мы безъ труда могли управить двумя ботиками, нисколько не занимаясь ни одеждою гребцовъ, ни цвѣтными кушаками. Желаніе кататься пришло въ голову скоро, а исполнено еще скорѣе; короче, вмѣсто весла всякой схватилъ, что только ему попало въ руки, и мы отвалили отъ берега, смѣясь отъ чистаго сердца. Ботики свои нагрузили мы винами,

пирогами, плодами, сливками и всѣмъ необходимымъ для полдника.

Прежде, нежели причалили къ острову, мы разъ двадцать поворачивали то въ ту, то въ другую сторону, объѣзжали разъ пять кругомъ островъ, шутили и рѣзвились.

Молодцы наши на двухъ скрипкахъ съ кларнетомъ играли пѣсни, какія только приходили имъ на память. Свѣтинскій между прочимъ игралъ на флейтѣ, которую также взялъ съ собою, соло, а потомъ романсы, которые пѣли наши дамы; словомъ мы всѣ были въ восхищеніи. Наконецъ пристали къ острову близъ самаго

того мѣста, гдѣ выстроенъ маленькой храмъ, посвященный Аполлону и музамъ; раздѣлились группами и пустились весело въ разныя стороны осмотрѣть и обѣгать всѣ излучины острова; побѣгавъ часъ или два, всѣ собрались къ полднику, которой былъ приготовленъ на лужку, противъ храма.

Подъ вечеръ небо покрылось густыми облаками и вдали слышны были громовые удары; барыни, изъ которыхъ нѣкоторыя боятся грозы, а именно Соничкина маминька, которая испугалась, или казалась чрезвычайно испуганною, просили скорѣе отправиться до-

мой. Мы поспѣшно собрались, а боязливые еще поспѣшнѣе сѣли въ бопикъ и пустились какъ спрѣла къ берегу, взявъ съ собою сильнѣйшихъ гребцовъ. Впорой бопикъ, на которой сѣлъ я, Полинька, Надя, Свѣпинскій, Фединька, Трубницына сыновья и чепыре или пять человѣкъ изъ нашего общества, которые не столько опасались приближающейся бури, опправились черезъ нѣсколько минутъ послѣ, какъ только началъ накрапывать дождь.

Поднявшійся сильной вѣтеръ, противный нашему плаванію, не допускалъ насъ идти впередъ. Я и два господина, бывшіе съ нами,

взяли весла ; но по неискусиву своему не подвинулись ни на шагъ впередъ, хотя гребли съ большимъ стараніемъ ; ботъ нашъ, попавъ въ быстрину, понесся къ низу. Дождь пошелъ сильнѣе ; я, отобравъ у всѣхъ платки, прикрылъ ими какъ не льзя лучше Полиньку и Надю, которыя, какъ сумасшедшія хохотали, не показывая ни малѣйшаго страха. Свѣтинскій и Фединька взяли въ свою очередь весла. Усилія ихъ, соединенныя съ искуствомъ, вывели ботикъ изъ быстрины, и мы были уже въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега, но противъ такова мѣста, къ которому не возможно было пристать,

Надобно было плыть довольно далеко пропивъ воды; старшій Трубицынъ сильной молодой человѣкъ, взялъ весло у Фединьки, а младшій, которой въ крѣпости не уступалъ брату, взялся грести за Свѣшинскаго, а я принялъ на себя смотрѣніе за ровнымъ ходомъ бота.

Мы проѣхали довольно далеко и собирались пристать къ одной лужайкѣ, довольно удобной по наружности, какъ вдругъ старшій Трубицынъ началъ утверждать, что это движущійся островокъ, прибитый къ берегу вѣтромъ, и что выходить на него не надежно. Младшій его братъ говорилъ про-

тивное и продолжалъ грести къ тому мѣсту. Спарпій, оскорбясь возраженіемъ, началъ грести въ противную сторону, сказавъ нѣсколько колкихъ словъ брату, которой тѣмъ же отвѣчалъ ему.

Все это продолжалось не больше минуты, я вспалъ, чтобъ отнявъ у нихъ весла, заставить молчать того и другаго; они положили— но съ такою поспѣшностію бросились оба на топъ край бопика, гдѣ сидѣли Полинька съ Надинькой, что покачнули его на ихъ сторону; бѣдныя дѣвушки испугались, закричали и уже готовы были упасть въ воду, какъ вдругъ Свѣшинскій, видя блѣдность на

ихъ лицахъ, подобно молніи бросил-
ся въ воду по поясъ и поднявъ ру-
ки, не допустилъ упасть Полиньку,
которая уже перегнулась черезъ
бортъ ботика и невольнымъ об-
разомъ увлекала за собою Надю.
Я схватилъ ихъ обѣихъ за плапи
и втащивъ въ ботикъ, увидѣлъ,
что онѣ совсѣмъ почти безъ
чувствъ; потомъ спѣшилъ помочь
Свѣтинскому влезть, но онъ раз-
судивъ, что легко можетъ добрать-
ся до берега, хотя былъ по поясъ
въ водѣ, схватилъ веревку, вися-
щую у передней части ботика, по-
тянулъ ее за собою и привелъ ботъ
на лужайку, гдѣ мы и останови-
лись тихо.

Мы вышли, дождь ливмя лилъ; громовые удары безпрестанно раздавались съ ужаснымъ трескомъ; бѣгомъ почти добѣжали мы до деревни, гдѣ нашли слугъ, которые спѣшили намъ на встрѣчу съ зонтиками. Садовникъ взялъ на руки Полиньку, кучеръ Надю, а Свѣтинскій пустившись бѣжать что ни есть духу, пришелъ домой прежде всѣхъ. Трубницыны шли позади, не смѣя ни слова сказать; впрочемъ на нихъ никто и не обращалъ вниманія; они ушли въ свою комнату и когда велѣли звать ихъ ужинать, то сказали, что не хотятъ. Свѣтинскій прибѣжавъ въ свою комнату, велѣлъ

попчасъ развеспи огонь, обогрѣлся, перемѣнилъ платье, и хотя выпилъ рюмку теплаго вина, но лице его было нѣсколько блѣдно; впрочемъ онъ ни на минуту не поперялъ своей веселоспи; доброй молодой человѣкъ ни о чемъ сполько не безпокоился, какъ о Полинькѣ и Надинькѣ, но совершенно успокоился, примѣтя, чпю передъ ужиномъ лица ихъ не показывали ни малѣйшаго знака пого ужаса, копорой изображался на нихъ въ по время, какъ онѣ гоповы были упаспь въ воду.

Полинька съ выраженіемъ чувспвипельной благодарноспи смо-

трѣла на Свѣтинскаго. Я какъ теперь вижу, говорила она, съ какою быстротою бросился онъ въ воду, чтобъ не допустить меня упасть. По сердечному влеченію, конечно, она подошла къ нему въ самую ту минуту, какъ пошли садиться за столъ и два раза обняла съ изъявленіемъ такой нѣжной признательности, что этотъ поступокъ невольно всѣхъ насъ восхитилъ.

Моя Надя, увлеченная примѣромъ Полиньки, бросилась цѣловать Свѣтинскаго, называя его любезнымъ своимъ маленькимъ избавителемъ; и съ такою быстротою обвила ручонками его шею, что

всѣ засмѣялись ; Фединька также съ извѣстною своею рѣзвостію подбѣжалъ къ нему и разцѣловалъ; послѣ того никто не хотѣлъ оставаться въ накладѣ. Свѣтинскій переходилъ изъ объятій въ объятія; его обнимали всѣ и мужчины и женщины, даже тѣ, которые не ѣздили кататься. Больше двадцати разъ повторяли, что безъ его неустрашимости бочикъ на вѣрное бы опрокинулся и мы всѣ могли бы утонуть. Надинька ушибла нѣсколько колѣно о борть ; она ссадила кожу, но это ничего.

Сего дня по утру я отправилъ обоихъ Трубницыныхъ , которые очень охотно распрощались съ на-

ми. Веригинъ повезъ ихъ въ пансіонъ. Я просилъ его сказать содержателю, чтобъ здѣлалъ маленькое увѣщаніе въ разсужденіи неосторожнаго ихъ поступка, которой могъ бы имѣть очень дурныя послѣдствія.

Вотъ, милостивая государыня матушка, подробное описаніе случившагося съ нами непріятнаго приключенія. Мнѣ кажется, что судьба сама ведетъ четырехъ любезныхъ намъ дѣтей къ той цѣли, которую мы имъ предназначили, и я съ удовольствіемъ вижу исполненіе тайныхъ моихъ видовъ. Прощайте, почтеннейшая маминька, жена моя свидѣтельствуетъ вамъ

свое почтеніе, цѣлуетъ ваши ручки, а я съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

А. Любенскій.

ПИСЬМО XXVII.

СВѢТИНСКІЙ КЪ ФЕДИНЬКѢ.

4 Іюля.

Почитаю должнымъ сказать тебѣ, любезный другъ, что сего дня по утру получилъ я письмо отъ Г. Трубницына старшаго изъ пансіона, которой вздумалъ просить моего предстателъства передъ своимъ учителемъ. Я даже не понялъ сначала, чего онъ отъ меня требуетъ и наконецъ увидѣлъ, что имъ здѣлали спро-

жайшій выговоръ; что старшій братъ хочетъ сложить вину на младшаго и что учитель пансіона, какъ пишетъ Трубницынъ, позволилъ ему отнестись ко мнѣ съ просьбою, чтобъ я увѣдомилъ, кто изъ нихъ правѣе, кто виноватѣе. Я около года въ этомъ пансіонѣ бралъ уроки математики, и учитель, который всегда былъ хорошо ко мнѣ расположенъ, положился на мой судъ. Но какъ я буду судить двухъ родныхъ братьевъ? хотя впрочемъ ужасно на нихъ сердитъ.

Я отвѣчалъ чрезъ его посланнаго, что не могу сказать, кто изъ нихъ виноватѣе, а только

скажу то, что они заспорили о мѣстѣ, гдѣ надобно пристать къ берегу; что потомъ оба стремительно бросились къ той сторонѣ ботика, гдѣ сидѣли барышни, и я видѣлъ, что ботикъ чуть чуть не опрокинулся; что занимаясь единственно опасностію, которой подвергались Полинька съ Надинькой и встревоженный пронзительнымъ ихъ крикомъ, я бросился въ воду, не желея допустить ихъ упасть, и что больше ничего не могу сказать. Безъ сомнѣнія восхищаясь мыслію, что успѣлъ причалить ботъ къ берегу и поддержать въ паденіи Полиньку, которая увлекала за собою и На-

диньку, я поздравляю себя съ благополучнымъ окончаніемъ этаго дѣла и радуюсь, что страхъ ихъ не имѣлъ никакихъ вредныхъ послѣдствій, но никакъ не хочу дѣлать себя судьею между двумя братьями, которые въ глазахъ моихъ одинаково не правы оба потому, что начали споръ въ такую минуту, когда увеличивающаяся буря увеличивала и опасность.— Я не могъ и не хотѣлъ больше писать; надѣюсь, что онъ не пришлетъ ко мнѣ въ другой разъ.

Я удивился успѣхамъ твоей сестрицы на фортепіано: по моему мнѣнію не возможно лучше разъ-

играть Надерманов дуэтъ; меня восхитила превосходная ее игра. Даже говорятъ, что она нѣсколько удерживалась показать во всей силѣ свое искусство потому, что не хотѣла заглушить флейту. Съ какою пріятностію играла она послѣднее рондо! какъ выразила соло! Взглянувъ на Надиньку, я примѣтилъ, что всѣ мускулы ее были въ движеніи, и какъ скоро Полинька кончила, она бросилась ей на шею. Маленькое, доброе ее сердечко трепетало отъ радости, видя блистательный ея успѣхъ. Подбѣжавъ тотчасъ къ учительницѣ, Гжѣ Бельвиль, она сказала: ну что, сударыня, довольны ли вы?

тя, вмѣсто отвѣта, обняла ихъ обѣихъ, потомъ всѣ ее поздравляли съ отличными успѣхами ученицы.

Теперь станемъ продолжать, мой другъ, переписку нашу на щетъ письменнаго слога. Я имѣю многое еще сказать вамъ объ этомъ предметѣ, и съ величайшимъ удовольствіемъ вижу, что вы не оставляете безъ вниманія моихъ словъ. Я сужу такъ по здѣланнымъ извлеченіямъ изъ моихъ писемъ Полинькою и Надинькою, которыя онѣ мнѣ показывали. Привычка выписывать и дѣлать безпристрастно собственныя замѣчанія на щетъ нашихъ упражненій,

словомъ сказать, отдавать отчетъ самимъ себѣ, есть наилучшее изъ всѣхъ средство, пріобрѣсть прочныя и глубокія познанія. Ты не можешь себѣ представить, любезной Фединька, какую пользу приноситъ самому мнѣ переборка и перечитываніе старыхъ тетрадей, изъ которыхъ я выписываю и заготовляю для васъ правила. Сколько прекрасныхъ вещей забылъ бы, можетъ быть и я, если бы почтенному твоему дѣдинькѣ не пришла мысль завести между нами переписку.

Меня чрезвычайно восхищаютъ тонкія, острыя и всегда исполненныя здраваго смысла примѣ-

чанія объ Римской Исторіи, которые я нахожу въ письмахъ твоей сестрицы; равно плѣнительно умное Надинькино описаніе Географіи. Это доказываетъ, что она занималась науками, учила ихъ не такъ, какъ учатъ многіе, то есть какъ попугаи; лишь бы наизусть было выучено, а до прочаго дѣла нѣтъ; можно безъ всякой лести сказать, что ни въ одной книгѣ не найдешь лучшаго описанія сферы, какое сдѣлала она. Веселое ее воображеніе сдѣлало очень занимательнымъ описаніе Географіи примѣсью небольшихъ забавныхъ стишей, копо-

рыя одушевили эту матерію, сухую и скучную само по себѣ.

Взглянемъ на примѣръ на маленькія ея примѣчанія, здѣланныя на созвѣздіи Зодіака. То, что она писала о знакѣ: *вѣсы*, гораздо остре вздорныхъ плоскостей Матыо Лаенсберга, который описывалъ этотъ же предметъ. Знакъ *Вѣсовъ*, говоритъ она съ лукавствомъ, ничто иное, какъ изображеніе *Астреи* или правосудія, которое одинъ только разъ въ годъ посѣщаетъ землю и потомъ поспѣшно удаляется на небо, какъ полагаютъ нѣкоторые дѣлатели *Алманаховъ* потому, что на небѣ, гдѣ все должно быть прав-

диво, совершенно, безприспра-
спно, *Вѣсы* во все не нужны и
даже могли бы почесться оскор-
бленіемъ, но эпо, продолжаепъ
она, простая и естеспвенная эм-
блема хода дней и солнца въ пом
мѣсяцѣ, когда оно вспупаепъ въ
знакъ *Вѣсовъ*, по есть это зна-
чипъ *равноденствіе*, которое бы-
ваепъ 12 числа Сенпября и въ
это время день равенъ ночи; па-
кое справедливое примѣчаніе уди-
випельно въ ее лѣпа.

Прощай, любезной Фединька,
я не имѣю времени больше продол-
жапь. Скажи сесприцѣ своей и
Надинькѣ, что я чувспвипельно
благодарю ихъ обѣихъ за прини-

маемое во мнѣ участіе и увѣрь, что я во всякомъ случаѣ готовъ за нихъ броситься не только въ воду, но даже въ огонь, лишь бы только могъ быть имъ полезенъ.

ПИСЬМО XXVIII.

ПОЛИНЬКА КЪ НАДИНЬКѢ.

6 Іюля.

Нѣсколько лней, милая, я совсѣмъ не занималась своими извлеченіями и именно: по возвращеніи въ пансіонъ не могла написать ни одного слова. Повѣришь ли, что со времени нещастнаго приключенія на бонпикѣ у меня осталось какое-то прясеніе во всѣхъ членахъ, которое безпрерывно про-

должалось цѣлые три дни и прошло только трепьяго дня, какъ я получила письма опъ дѣдиньки, опъ бабиньки, опъ брапца Фединьки и опъ Свѣпинскаго. Я думала, чпо пы пакже ко мнѣ напишешь и увѣдомишь, зажила ли пвоя колѣнка.

Знаешь ли, какое со мною случилось горе? каждую ночь мучаепъ меня сонъ и вопъ нѣсколько уже дней сряду продолжаепся одинъ и топъ же, полько въ разныхъ видахъ: мнѣ предспавляпся безпреспанно, чпо капаюсь по рѣкѣ, бопикъ опрокидываепся, я падаю въ воду и просыпаюсь ужасно вспревоженною.

Мнѣ всегда говорили, что смѣшно вѣрить снамъ, а еще смѣшнѣе ихъ разсказывать, но что же дѣлать! я всячески спаралась забыть его, и никакъ не могла; этотъ сонъ пропивъ воли представляется моему воображенію; и я непремѣнно должна разсказать тебѣ, что видѣла сегоднишнюю ночь. Смѣйся надо мною, сколько хочешь; брани, если угодно; я сама тебѣ въ томъ помогу, только дай удовлетворить моему желанію и объяснить его тебѣ; можетъ быть это нѣсколько облегчитъ меня.

Представь себѣ необозримое озеро, волнуемое вѣтрами, посреди

котораго я плавала совершенно одна на маленькомъ яликѣ, водимая, не знаю какою-то сверхъ естественною силою. Въ дали вижу множество барокъ, которыя подъѣзжали и проѣзжали мимо, не принимая во мнѣ ни малѣйшаго участія; слышу крики, споры, вижу даже, какъ находящіеся на этихъ суднахъ люди дерутся веслами: ужасной страхъ овладѣлъ мною! Я стараюсь поворотить руль и удалиться, какъ вдругъ отвратительная фигура съ предлинными руками, покрытая чешуею, выходитъ изъ воды, приближается ко мнѣ и хочетъ схватить. Я кричу, бросаюсь на другой конецъ ялика, онъ

опрокидывается и я падаю на руки Свѣшинскаго, блѣднаго, полумертваго, которой повлекъ меня съ собою въ воду. Сдѣлавъ сильное движеніе, чтобъ вырваться отъ него, я проснулась; съ четверть часа не знала, гдѣ я, ощупывала себя и наконецъ увидѣла, что на своей постелѣ, но вся въ поту; успокоясь немножко спаралась опять заснуть; было два часа по полуночи; черезъ нѣсколько минутъ засыпаю и къ нещастію тоже сновидѣніе, съ тою только разницею, что вмѣсто Свѣшинскаго, съ которымъ я упала въ воду, былъ толстой Арапъ, кото-

рой тащилъ меня въ озеро, здѣлавъ преужасную гримасу.

На этотъ разъ я не могла собою владѣть, страхъ превышалъ мои силы и я закричала. На крикъ мой прибѣжали двѣ пансіонерки, живущіе въ ближайшихъ отъ меня комнатахъ, и надзирательница. Надобно было сказать, что со мною случилось. Повѣствованіе мое и смущной взглядъ испугалъ ихъ самихъ; подруги мои не хотѣли оставлять меня одну и просили, чтобъ я пошла къ нимъ и тамъ бы легла спать; но я стыдилась своей слабости; начало разсвѣтать; я отвѣчала, что страхъ мой проходитъ и онѣ спокойно

могупъ идти къ себѣ. Какъ скоро онѣ ушли, я опять заснула и проснулась уже въ половинѣ осьмаго весела и свѣжа. Уже четвертой разъ, добрая моя Надинька, негодной этотъ сонъ меня мучаетъ. Сего дня на ночь, говорятъ, дадутъ мнѣ принять какой-то порошокъ и увѣряютъ, что этотъ сонъ больше мнѣ не привидится. Не забывай, милая, что это писано для одной только тебя; пожалуста не показывай его бабинькѣ, она встревожится; я бы даже совѣтовала тебѣ не говорить никому ни слова, все пройдетъ само собою.

Прилагаю при семъ письмо Свѣтинскаго къ брату отъ 4 Іюля: я не дѣлаю никакого изъ него извлеченія, кромѣ того, что оно сдѣлало меня сего дня по утру веселою, довольною и полагаю даже, что можетъ изцѣлить болѣзнь мою гораздо лучше, нежели прописанный Докторомъ порошокъ. Нѣтъ никакой нужды разсказывать тебѣ, что удивленіе молодаго нашего учителя успѣхамъ твоимъ въ космографіи не превосходитъ моего восхищенія. Я раздѣляю его чувства, милая, и хочу быть твоею ученицею. Ты мнѣ изъяснишь, гдѣ выкопала толкованіе Египтянъ на щетъ любима-

го твоего предмета: *описаніе сферы* и вліяній Зодіака.

Прощай, любезная Надинька, будь увѣрена въ сердечной любви и дружбѣ искренней твоей пріятельницы; да сдѣлай одолженіе, не смѣйся надо мною, читая описаніе моего сновидѣнія.

ПИСЬМО XXIX.

НАДИНЬКА КЪ ПОЛИНЬКѢ.

7 Іюля.

Откровенно скажу тебѣ, милая, что письмо твое, какъ я думаю, сообщило мнѣ всю твою боль и твой страхъ. Это можетъ быть *симпатія* между нами, потому, что все, что ты ни чувствуешь, я тоже ощущаю . . . . однакожъ, прежде, нежели посѣтятъ меня подобныя сновидѣнія, прошу имен-

но завпрашній день увѣдомитъ, прекратилась ли твоя тоска? Если все кончено, то пожалуста ни слова не пиши; сколько мнѣ ни пріятно раздѣлять съ тобою всѣ горести и радости, совсѣмъ тѣмъ не имѣю никакой охоты надъ тобою забавляться.

Мнѣ чудится всякой разъ, какъ только закрою глаза, толстой твой Арапъ съ страшною своею гримасою и повѣришь ли, не смѣю теперь взглянуть на посѣщающаго насъ Негра Г. Де ла Тура; мнѣ представляется, что я увижу въ немъ самаго того Арапа, которой привидился тебѣ во снѣ. Ахъ, Боже мой! какъ забавляется надъ нами

воображеніе? Вопъ обширный предметъ для шеологическихъ преній! сказалъ папинька какъ-то на этихъ дняхъ;- желательно знать, какъ они рѣшатъ, чорную или бѣлую наружность имѣетъ демонъ! Что же касается до меня, то я предполагаю его чернымъ, точно такъ, какъ показался онъ тебѣ во снѣ и въ томъ никто меня не переувѣритъ.

Я вижу, что ты и Г. Свѣтинскій почитаютъ меня колдуньею. Никто такъ удачно и замысловато, уверждаете вы, не можетъ сдѣлать описанія небесныхъ знаковъ. Ахъ, нѣтъ, милой другъ, я не столько свѣдуща, какъ ты по-

лагаешь, и не хочу даже казаться таковою доброму нашему другу. Слушай, что я тебѣ скажу.

Однажды вечеромъ прошедшей зимой дѣдинька разсматривалъ въ кабинетѣ своемъ оба географическіе глобуса, присланные ему наставникомъ Свѣтинскаго, которые начертилъ его питомецъ. Они лежали на столѣ, и я съ большимъ любопытствомъ занималась разсмотрѣніемъ сихъ фигуръ, которыми покрыть небесной глобусъ; это меня даже испугало; пучныя, гадкія животныя, телецъ, драконъ съ длинными когтями, ужасной величины ракъ, змѣй, козерогъ, и проч. Я не по-

нимала ничего и хотѣла было уйши, какъ вдругъ дѣдинька подозвавъ меня спросилъ: тебѣ странны кажутся всѣ эти фигуры, малютка? Вѣдь это созвѣздія, которыя мы видимъ на небѣ.— Какъ на небѣ! вскричала я; мнѣ кажется это очень дурно; что тамъ дѣлаютъ такіе отвратительные жители? — Выслушай, другъ мой, сказалъ онъ, подойди сюда и посмотри.

Видишъ ли ты это множество точекъ, которыми усѣяны эти же самыя фигуры? — Вижу, дѣдинька, вотъ пять или шесть на одной только мордѣ овна.— Ну такъ вотъ что, любезная внучка,

маленькія эпи точки различной величины, имѣющія свѣтъ, больше или меньше яркой, есть звѣзды, пѣ самыя, которыя мы видимъ вечеромъ, разсматривая небесную твердь въ ясную ночь. Что же касается до фигуръ животныхъ и прочихъ, ихъ не существуетъ; онѣ изобрѣтены только воображеніемъ единственно для того, чтобъ постигнуть все пространство небеснаго свода; это служитъ измѣреніемъ разстоянія звѣздъ между собою, чтобы можно было узнать ихъ по пѣлу животнаго. Число ихъ различно— иная фигура имѣетъ больше, другая меньше, и потъ, кто со вни-

маніемъ ихъ разсмотрѣлъ, можетъ безъ труда сказать, указавъ пальцомъ на небесной сводъ: вотъ это созвѣздіе подлѣ глаза тельца, вотъ другое на хвостѣ дракона и проч. и проч.; однакожъ это требуетъ занятія, прилѣжанія; желающій знать положеніе звѣздъ, долженъ прежде выучить наизусть расположеніе фигуръ и мысленно опличить ихъ.— Теперь, дѣдинька, я начинаю понимать; но для чего столько излишнихъ прудовъ? вмѣсто всѣхъ этихъ неправильныхъ фигуръ, притупляющихъ воображеніе, не лучше ли было бы раздѣлить весь небесной сводъ на маленькіе четверо-

угольники, хоть на такіе на примѣръ, что у насъ на обояхъ, и сказать: такая-то звѣзда находится въ такомъ-то четверо-угольникѣ, другая въ такомъ-то и проч.

Ты права, моя крошечька, отвѣчалъ дѣдинька, конечно это лучше. Изученіе небесныхъ цѣлъ тогда было бы гораздо легче и не походило бы на чернокнижіе, да чтожъ дѣлать? такъ выдумали поэты, то есть головы посредственно сумазбродныя. Совсѣмъ тѣмъ, какъ странныя эти выдумки связаны съ другими замысловатыми мыслями, на примѣръ такими, какія мы находимъ въ

различныхъ исторіяхъ Миѳологіи, которыхъ цѣлое пріятно и занимательно, то Астрономы согласились начерпать свои открытія на томъ же основаніи, потому, что оно уже принято. Привычка поставила это закономъ, а свѣтъ разумѣется больше всего любитъ чудесное; слѣдовательно нынѣче ни сколько не труднѣе сказать: такая-то звѣзда на рукѣ дѣвы, нежели въ такомъ-то или другомъ четвероугольникѣ, въ такомъ или другомъ кругу.

Согласна съ вами, дѣдинька, это дѣйствіе памяти. Впрочемъ я лучше люблю Беренису и Персея освобождающаго Андромеду, но съ

опвращеніемъ смотрю на эпаго гнуснаго скорпіона.

Такимъ образомъ шутя мы разговаривали о существѣ пѣхъ фигуръ и я въ коротпкое время даже непримѣтно научилась опъ дѣдиньки познавать различныя ихъ свойспва, употребленія и причины, больше или меньше достойныя уваженія, заспавившія ихъ принять. Это меня поразило и я принялась учиться.—Вотъ, милой другъ мой Полинька, первой мой приступъ къ наукѣ, копорая съ пого времени чрезвычайно мнѣ понравилась, и я до сихъ поръ съ большимъ удовольспвіемъ ею занимаюсь. Если пойду вечеромъ

гулять, но всегда почти поднимаю носъ къ верьху, чтобъ разпознать положеніе нѣкоторыхъ созвѣздій, о которыхъ толковалъ мнѣ дѣдинька, и ты представить себѣ не можешь, какъ надоѣдаетъ это моей надзирательницѣ, которая всегда меня браниптъ, потому что въ то время, какъ глаза и мысли мои вознесутся къ небесамъ, ноги тотчасъ очутятся въ лужѣ. Извольте идти домой, дѣвица Астрологъ, закричитъ она тогда, посмотрите-ка, какъ вы запачкали свои чулки! Я нѣсколько разъ хотѣла было удержать ее и показать созвѣздіе Юпитера, блистающее

близъ созвѣздія Венеры, но она не слушая меня тащила домой. Ахъ, какая невѣжда!

Кстати, милая Полинька, ты вѣрно не знаешь о намѣреніи папиньки; я слышала, какъ они говорили: (не показывая однакожъ виду, что слушаю): 31 числа нынѣшняго мѣсяца, въ день рожденія дѣдиньки, мы всѣ соберемся въ большой голубой кабинетъ: всѣ родные также тутъ будутъ и Свѣтинскій отдастъ отчетъ упражненіямъ нашимъ въ письменномъ слогѣ; онъ станетъ читать въ слухъ наши письма, достойныя примѣчанія; ихъ будутъ разбирать безпристрастно; судить,

хвалить, хулить и дѣдинька назначитъ награду тѣмъ, кѣмъ будутъ больше довольны.

Не пугаетъ ли это тебя? вѣрно нѣтъ; я увѣрена, что тебѣ достанется лучшее награжденіе. Но я, вѣтреная дѣвочка, которой письма наполнены ошибками въ правописаніи, подвергаюсь опасности быть всѣми осужденною; тѣмъ лучше: по крайней мѣрѣ это впередъ послужитъ мнѣ урокомъ.

Прощай, доброй другъ мой; съ того времени, какъ мы чуть чуть вмѣстѣ съ тобою не утонули, ты здѣлалась мнѣ еще милѣе; чувствую, что люблю тебя во

сто разъ больше прежняго. Ахъ, Боже мой! однакожъ. . . . Еслибъ мы упали въ воду, то могъ ли бы бѣдной Свѣтинскій обѣихъ насъ спасти? Папинька сказалъ намъ, что Фединька также хотѣлъ броситься, но онъ его удержалъ.

Это ни мало не удивительно, ты знаешь, милая, сколько Фединька насъ любитъ, и мы съ своей стороны были бы очень неблагодарны, еслибъ не отвѣчали ему равною любовію; прощай, мой другъ.

ПИСЬМО XXX.

ПОЛИНЬКА КЪ СВѢТИНСКОМУ.

8 Іюля.

Можетъ быть я должна бы писать къ вамъ на другой же день по пріѣздѣ въ пансіонъ, чтобъ изъявить свою благодарность за спасеніе меня и Надиньки отъ упоплёнія, но Фединька вѣрно уже говорилъ вамъ, что три или четыре дни я не въ силахъ была

взяпься за перо. Не отъ того, чтобы я была больна, но чувствовала ужасное прясеніе во всѣхъ членахъ. Теперь благодаря Бога все кончилось и я принялась за свои упражненіи. Опасность, говорятъ, проходитъ подобно сну и непримѣтно испребляется изъ нашей памяпи, но я никогда не забуду, что вы подвергали опасности собственную жизнь для спасенія моей. Великодушной попечитель вашъ никогда не испребится изъ моей памяпи и признательность моя къ вамъ будетъ вѣчною.

Признаюсь, никакъ не могу удержапь своего негодованія на

старшаго Трубницына, который письменно просилъ васъ, чтобы, если можно, сложить всю вину на младшаго его брата. Какія низкія чувства! это доказываетъ дурное сердце; въ подобномъ случаѣ должно молчать и не располагать подлымъ образомъ безполезныхъ извиненій. Вы очень хорошо сдѣлали, что не впутались въ ихъ ссору; надѣюсь, что мы не скоро съ ними увидимся.

Вчера я начала опять извлеченія свои изъ Римской Исторіи, прошла уже эпоху семи Римскихъ Царей и остановилась теперь на томъ мѣстѣ, которое называютъ прекрасными днями республики. Я

восхищена великими характерами главнѣйшихъ лицъ, живших въ это время. Какое благородство души! какая возвышенность въ чувствахъ! какая строгая добродѣтель въ Камиллахъ, Сципіонахъ, Регулахъ, Катонахъ и проч.! Признаюсь однакожъ, что я почитаю едва справедливымъ возвращеніе Регула въ Карѳагену. Конечно хорошо предложеніе, сдѣланное имъ Римлянамъ, но Сенатъ никогда бы не долженъ на то соглашаться; какъ скоро война кончилась, то можно было бы принудить Африканцевъ производившихъ переговоры ѣхать безъ него. Человѣколюбіе подвигнуло ихъ на престу-

пленіе и за добро онъ заплатилъ мученіемъ. Конецъ Регула представляетъ истинно героическую черту, но Римляна ни за какую цѣну не должны бы того снести. Откровенно скажу, что я ни одному слову не вѣрю какъ въ этой исторіи, такъ и въ описаніи героическихъ поступковъ Муція Сцеволы, Децiя и другихъ, о которыхъ писалъ Титъ Ливій, легковѣрнѣйшій, какъ говорятъ, изъ всѣхъ историковъ.

Не подумайте, Г, Свѣтинскій, что я сама собою вмѣшалась въ сужденіе о произшествіяхъ, случившихся въ древности. Нѣтъ, я вспомнила какъ однажды у насъ

дома, въ то время, какъ мы пили кофе, два господина разговаривали съ дядюшкою Любенскимъ о разныхъ историческихъ чертахъ. Они оба почитались очень учеными людьми. Разговоръ зашелъ о Пепинѣ *Коротком*ъ, Французскомъ Королѣ, и я машинально услышала, какъ сказалъ одинъ изъ нихъ: вы хотите, чтобъ по донесенію отца *Даніеля*, скопированному всѣми другими, я повѣрилъ, что Пепинъ былъ столько безразсуденъ и пошелъ одинъ въ пещеру, гдѣ посаженъ былъ свирѣпой левъ и что однимъ ударомъ отсѣкъ ему голову, желая показать силу и крѣпость своей руки! Фран-

цузскій Король никогда не поступилъ бы такъ неосторожно, да и придворные не допустили бъ его до того; можемъ ли мы вѣрить, прибавилъ онъ, всему тому, что есть исполинское, не натуральное и не ясно доказано. Историки безсовѣстно предаются такимъ увеличеніямъ и слишкомъ довѣрять имъ не простительно. Я представлю только въ примѣръ Типа Ливія и сказки его о доброй женщинѣ. Слово это меня поразило; Типъ Ливій до сихъ поръ вертится у меня въ головѣ и теперь, когда я принимаюсь читать его, тотчасъ вспоминаю заключеніе дядинькинаго друга.

Но что больше всего меня плѣняетъ и чему я дѣйствительно удивляюсь, такъ это поступкамъ Сципіона въ Испаніи, Германика на берегахъ Рейна, Цицерона, освободившаго отечество свое отъ измѣнника Катилины: вотъ историческія черты, которыхъ не можетъ отвергать разсудокъ и которыя представляютъ въ себѣ все, что только мужество и добродѣтель могутъ имѣть блистательнаго и благороднаго.

Если вы найдете, что я ошибаюсь, то пожалуста, добрый другъ мой, въ первомъ письмѣ скажите о томъ.

Надзирательница моя долго разговаривала съ нами о превосходной рѣшимости Лукреціи и о самопроизвольной смерти ее послѣ злодѣйства Тарквинія. Конечно я удивляюсь ей, но если у ней доставало столько силъ, чтобъ умертвить себя, для чего она сдѣлала это послѣ, а не прежде? Она тѣмъ не допустила бы совершить величайшее преступленіе и, можетъ быть, удержала бы возмущеніе въ Государствѣ. Я это слышала отъ дядиньки.

Мы ожидаемъ продолженія наставленій вашихъ на щетъ письменнаго слога, которое вы обѣщали въ послѣднемъ письмѣ своемъ

опъ 4 сего мѣсяца.— Я со всѣмъ почти прочитала собраніе писемъ Гжи Севинье и располагаюсь перечитать снова лучшія изъ нихъ; она очень любитъ, какъ сама говоритъ, сильные удары меча, которыми съ одного раза можно разрубить пополамъ человѣка, подвиги странствующихъ рыцарей, копьемъ своимъ всегда готовыхъ сразиться за честь красавицъ и проч. Все это меня очень забавляетъ, но: «подобной романизмъ, » говоритъ дѣдинька, совершенно » уже вышелъ изъ моды. Эти прекрасныя Паладины и дамы ихъ, » рыскавшіе по полямъ на гордыхъ » своихъ коняхъ, въ нынѣшнее время

» не будутъ иначе почтены, какъ за
» бродягъ и бѣглянокъ, которыхъ
» примѣру въ наше время оспере-
» гаются слѣдовать люди хорошаго
» общества. Женщины нынче съ
» птицею на рукѣ не ѣздятъ боль-
» ше верьхомъ на охоту, а зани-
» маются хозяйствомъ и воспита-
» ніемъ дѣтей. »

Я нисколько не удивляюсь, что Надинька превзошла меня въ Географіи, тѣмъ больше, что почтенный дѣдинька былъ ее путеводителемъ также, какъ изъяснялъ мнѣ Исторію. Послѣ невозвратной потери папиньки и милой маминьки, я ежедневно усердно молю Бога, чтобъ Онъ сохранилъ жизнь

дѣдиньки, которой заступаетъ теперь мѣсто отца и матери сиротамъ.— Со всегданнимъ уваженіемъ имѣю удовольствіе быть — и проч.

ПИСЬМО XXXI.

ФЕДИНЬКА КЪ СОНИЧЬКѢ.

10 Іюля.

Ахъ! любезная Соничька, съ какимъ удовольствіемъ провели мы вчерашній день у вашей маминьки; никто изъ насъ не воображалъ даже такъ пріятно повеселиться. Представь, какъ мы изумились и обрадовались, видя себя соединившимися въ прекрасномъ вашемъ саду. Сестрица совсѣмъ не знала, куда се везутъ, когда пріѣхали за

нею въ Пансіонъ; а Наденька никакъ и не воображала о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя ожидали ее.

Фокусъ— покусъ довольно меня позабавилъ; признаюсь, что онъ очень искусно дѣлаетъ свои штучки; движущіяся его куклы также много меня веселили; большія и маленькія почти живыя; надобно отдать честь его проворству. Больше же всего интересовала меня собака, такъ хорошо выученная все понимать и дѣлать. Сколько времени, сколько стараній должно было употребить, чтобъ довести ее до такой степени понятія.

Тѣмъ временемъ, какъ мы смѣялись, веселились, замѣтили ли вы, что другъ нашъ Свѣтинскій преважно разговаривалъ, сидя въ углу съ дѣдинькой и съ вашей маминькой? Знаете ли, о чемъ они разсуждали?—о фокусникѣ. Но въ чемъ состоялъ предметъ ихъ разговора? Повѣрите ли, что они говорили о всѣхъ мученіяхъ, жестокихъ наказаніяхъ, которыя должна была претерпѣть бѣдная собака прежде, нежели успѣла достигнуть до совершенства въ своемъ искусствѣ, и Свѣтинскій, слушая это описаніе, готовъ былъ заплакать. Онъ спросилъ хозяина собаки, какое средство употреблялъ онъ для

выучки? *Извѣстное средство*, отвѣчалъ тотъ прехладнокровно, *кнутъ; не даю ей вѣсть, и при малѣйшей ошибкѣ отщитаю ударовъ съ полсотни; это продолжалось около трехъ лѣтъ, и право думаю, что въ теченіи этого времени я влѣпилъ ей въ спину ударовъ тысячь до десяти.*

Очень хорошо, сказалъ дѣдинька; что ты объ этомъ думаешь, Свѣтинскій? Подобная метода не годится ли въ школахъ и пансіонахъ, гдѣ множество лѣнивцевъ, которые въ продолженіи осьми или десяти лѣтъ ничего больше не дѣлаютъ, какъ безъ всякой пользы мешутъ

только въ классахъ ногами соръ и поднимаютъ спрашную пыль? Можетъ быть, отвѣчалъ Свѣтинскій, но замѣтьте, въ какое низкое и подлое состояніе въ разсужденіи нравственныхъ чувствованій впадутъ души нещастныхъ, которые подвергнутъ себя такимъ правиламъ.

Вы правы, мой другъ, сказала твоя маминька: человѣкъ, это существо благородное, сотвореное по образу и подобію Божію, не для того созданъ, чтобъ поступать съ нимъ также, какъ съ скотомъ.... Посмотрите, посмотрите, прибавила она, почтен-

нѣйшій Гнъ Чадолюбовъ, вотъ теперь около насъ двѣнадцать или пятнадцать малютокъ, которые составляютъ благополучіе своихъ родителей; они воспитаны въ страхѣ Божіемъ, сердца ихъ дышутъ кротостію и нѣжностію. Найдете ли вы хоть одного изъ нихъ, который имѣлъ бы нужду быть ученъ по правиламъ фокусника?— Нѣтъ, конечно нѣтъ, благодаря Всевышнему Творцу, отвѣчалъ дѣдинька, и въ это время всѣ начали ласкать бѣдную скопину.

Но письмо мое касается другаго предмета, любезная Соничька;

сестра поручила мнѣ просить васъ прислать ей тотъ узоръ, которой вы недавно вышивали. Если вы отдадите его моему посланному, то Полинька крайне будетъ вамъ обязана.

Начали уже поговаривать о прогулкѣ въ Марьиной рощѣ, гдѣ мы близъ кладбища, подъ кустомъ будемъ пить чай и полдничать. Надинькина маминька, которая взялась всѣмъ распоряжать, говорила, что назначенъ послѣ-завтрашній день и я слышалъ, что пригласятъ васъ вмѣстѣ съ братцемъ вашимъ Петрушей. Тамъ есть горы, мы покатаемся и на

лужку напрыгаемся до усталости. Ужъ подлинно повеселимся! Не хотите ли въ четверомъ поплясать по Руски? Я съ своей стороны готовъ. Прощайте, Соничька.

ПИСЬМО XXXII.

СВѢТИНСКІЙ КЪ ФЕДИНЬКѢ.

11 Іюля.

Исполняя обѣщаніе, любезный другъ, принимаюсь за продолженіе переписки нашей о письменномъ слогѣ. Я, еще не сказалъ вамъ, что такое значитъ слогъ, и какое имѣетъ онъ разнообразіе. Вотъ, что я нашелъ въ своихъ тетрадяхъ:

Знаменитый и ученый Бюффонъ, этотъ краснорѣчивый изо-

бразитель природы сказалъ нѣкогда: *слогъ есть тотъ же человѣкъ*. Это означаетъ безъ сомнѣнія, что всякой человѣкъ, не зная того, имѣетъ собственный слогъ, которой одному только ему свойственъ и посредствомъ котораго онъ открываетъ самаго себя такъ, что ни мало того не воображаетъ. Демосфенъ писалъ съ пылкостію, потому что характеръ его былъ буйный; Цицеронъ писалъ гладко, ясно, чисто, потому что нравы его и привычки имѣли въ себѣ нѣчто благородное и краснорѣчивое; Монтескію сильно, потому что сужденія равнялись его ученостіи;

Жанъ Жакъ пламенно, потому что душа его безпрерывно горѣла.

Можно образовать, обдумать, расположить свой слогъ, но никогда нельзя не сочворить его, ни занять онъ другихъ. Холодной, ко всему равнодушной человѣкъ никогда не пишетъ и не можетъ писать такъ, какъ весельчакъ. Ты можешь это даже замѣтить, милой другъ, изъ писемъ твоей сестрицы и Надиньки. Замѣть, какъ живо слогъ изображаетъ ихъ характеры.

Письма любезной Полиньки имѣютъ оттѣнокъ какого то кротkаго, глубокаго и пріятнаго чувствованія, которое невольно за-

ставляетъ принимать участіе въ самыхъ бездѣлицахъ, случившихся съ нею; напропивъ того острая Надинька, будучи гораздо хитрѣе, однакожъ имѣя равную чувствительность, которую выражаетъ только другимъ образомъ, и стараясь вездѣ блеснуть, должна непремѣнно имѣть путеводителя, или такъ сказать, ей надобно сдѣлать маленькую уздечку, въ которой Полинька никакой ни имѣетъ нужды.

Не смѣйся надъ моими замѣчаніями, любезной Фединька, онѣ сдѣланы самимъ почтеннымъ твоимъ дѣдинькой Гмъ Чадолюбовымъ, которой сообщилъ ихъ мнѣ, по-

лагая, по снисхожденію своему, что я могу своими мнѣніями, которыя онъ самъ диктуетъ, усовершенствовать сестрицу твою въ щастливыхъ природныхъ ее расположеніяхъ и исправить слогъ Надиньки, которой, по словамъ его, много имѣетъ въ себѣ излишества. — Прощай, мой другъ! завтра напишу продолженіе, а теперь мнѣ нѣкогда.

ПИСЬМО XXXIII.

12 Іюля.

Возвратимся опять къ нашей матеріи: слогъ долженъ быть приноровленъ къ предмету, о которомъ мы пишемъ. Было бы очень странно, еслибъ я принялъ важной тонъ, разсказывая какое нибудь забавное приключеніе, или вздумалъ шуточнымъ тономъ говорить о случившемся съ кѣмъ-либо несчастіи. Эти подробности сами по себѣ столько просты и нату-

ральны, что не для чего и упоминать объ нихъ.

Писатели изобрѣли и послѣдователи ихъ утверждаютъ, что слогъ состоитъ изъ трехъ родовъ, а именно: изъ *простаго*, *средняго и высокаго*. Боже меня избави осуждать это мнѣніе, принятое съ давнихъ уже лѣтъ, однакожъ, откровенно скажу, что онъ кажется мнѣ нѣсколько сумазброднымъ и я сію минуту изъясню, почему.

Простой слогъ, говорятъ они, употребляется въ письмахъ, въ басняхъ и въ сообщеніяхъ между друзьями. Согласенъ, что въ цѣломъ это справедливо; но столь-

ко же есть изключеній, которыя сколько же многочисленны, какъ самое обыкновеніе. На примѣръ: если въ письмѣ къ другу вы описываете какое нибудь важное происшествіе, смерть интересующей васъ особы, мятежъ въ Государствѣ и проч., можете ли вы сохранить простой слогъ въ то время, когда душа ваша стѣснена? Нѣтъ! описываемой предметъ увлечетъ васъ противъ воли и слогъ возвысится соразмѣрно съ вашими чувствованіями; онъ сдѣлается даже *высокимъ*, если въ васъ родится это движеніе. Гжа Севинье представляетъ тому тысячу примѣровъ.

Что касается до басенъ, изключенія еще разительнѣе. Разкройте басни Лафонтена, Дмитріева, Крылова и посмотрите одинъ ли *простой* слогъ употребляли они въ своихъ баснях?

Не станемъ слишкомъ довѣрять этимъ мнѣніямъ, почитаемымъ классическими, принятымъ безъ строгаго разсмотрѣнія и станемъ лучше приналравливаться къ натурѣ.

Средній слогъ также не изключается отъ подобныхъ примѣчаній; мягкость и пріятность, говорятъ намъ, должны служить главною его цѣлію; учтивость и оборотливость выраженій составля-

ютъ его существенность. Все это очень хорошо; но что можетъ быть приторнѣе подобнаго слога; вездѣ учтивость, мягкость, пріятность и отъ того даже нѣкоторые писатели надоѣли читателямъ своею мягкостію.

Теперь я скажу вамъ о третьемъ слогѣ, названномъ *высокимъ*; здѣсь правила еще дальше отъ натуры. *Высокая мысль*, во всякомъ родѣ есть преходящій порывъ, внезапное, самопроизвольное движеніе души, которое приходитъ мгновенно и не можетъ продолжаться долго. Ты можешь, любезной Фединька, и вы также, добрыя мои пріятельницы, судить

это изъ слѣдующихъ примѣровъ: когда спросили Медею: кто будетъ защищать васъ пропивъ такого множества непріятелей? Она отвѣчала съ гордостію: я сама.— Александръ спросилъ побѣжденнаго и взятаго въ плѣнъ Пора, Персидскаго Царя: какъ мнѣ съ тобою поступить? Какъ Царю съ подобнымъ тебѣ Царемъ, отвѣчалъ тотъ.— Вотъ *высокія мысли* и примѣры *эти* очень справедливы; но можно ли такимъ слогомъ написать цѣлую книгу? Если вы будете держаться такихъ правилъ, то скоро надоѣдите читателю, или, лучше сказать, не найдете подобныхъ мыслей для наполненія

двухъ страницъ. *Высокой слогъ* можно сравнить съ лихорадкою, которая имѣетъ свое время жара или озноба; располагая держаться его отъ начала до конца, значитъ писать галиматью.

Однимъ словомъ на письменной слогъ нѣтъ общаго правила. Не льзя и не должно, принимаясь за перо, говорить или думать: *высокимъ* или *среднимъ слогомъ* мнѣ писать? Слогъ долженъ быть сообразенъ съ предметомъ, которой мы изъясняемъ. Онъ возвышается и упадаетъ, судя по матеріи, нами описываемой. Наконецъ, говоритъ очень справедливо одинъ издатель собранныхъ

имъ писемъ: первой пункпъ совер-
шенспва состоипъ въ шомъ, чпо-
бы умѣпь упопреблять попере-
мѣнно слогъ *простой*, *средній* и *высокой*, согласно съ предмепомъ, маперіею и обспоятельспвами.

Разберите эпо хорошенько, до-
брые друзья мои и не оставляй-
те ничего безъ вниманія.— Прощай, любезной Фединька, люби своего Свѣпинскаго.

ПИСЬМО XXXIV.

НАДИНЬКА КЪ СВѢТИНСКОМУ.

13 Іюля.

Ахъ! какое вѣроломство, Господинъ Свѣтинскій, кто бы могъ почесть васъ къ тому способнымъ! кто? я имѣю нужду въ уздечькѣ, какъ вы писали въ письмѣ къ Фединькѣ, которое сего дня только по утру доставили мнѣ. Правда, что вы очень искусно умѣли себя извинить, сказавъ, будто бы

это говорилъ дѣдинька, но тѣмъ не меньше лежитъ у меня на сердце слово: *уздечька*, и признаюсь, вамъ трудно будетъ положить мнѣ ее въ ротъ.

Позвольте спросить васъ, что нашли вы, или кто другіе въ моихъ письмахъ, что бы могло заставить подозрѣвать, что я имѣю нужду въ *уздечкѣ*? развѣ я писала что нибудь пропивное напуръ? И если эта самая напура внушаетъ мнѣ шутливое выраженіе, должна ли я опвергать ее, какъ дѣлалъ старой Капонъ, которой, не знаю, гдѣ-то читала я, былъ великой насмѣшникъ?— Ага! понимаю теперь, что это значитъ;

вамъ хочется, чтобъ я была также благоразумна, также совершенна и также скромна, какъ Полинька,—это очень было бы хорошо, еслибъ я могла такою сдѣлаться; но вы вѣрно забыли собственныя свои изреченія, что характеръ не можетъ перемѣнишься, что вѣтреница такая, какъ я, никогда не дѣлается степенною подобно Полинькѣ, что если предопредѣлено мнѣ свыше быть нѣсколько глупою, ничто не можетъ воспротивиться вліянію созвѣздія, подъ которымъ я родилась и что наконецъ я останусь такою, какою судьбѣ угодно было меня про-

известь, всѣ не смотря на всѣ краснорѣчивыя ваши проповѣди.

Еслибъ я вчера прочитала ваше письмо — знаете ли, сколько бы насказала вамъ грубостей! но къ досадѣ своей должна признаться, что вы были любезнѣе и учтивѣе всѣхъ кавалеровъ малолѣшнаго нашего общества; вы старались придать мнѣ блеску въ шанцахъ, въ пѣніи и въ играхъ. Любезной Фединька это замѣтилъ и въ сердечномъ движеніи два раза обнималъ васъ. Я сама чуть чуть не бросилась къ вамъ на шею въ то время, какъ вы хвалили маминькѣ мой стишъ,

пріятность, вѣжливость. Добрая родительница плакала опъ радости.

Но я все таки отмщу за себя! При первомъ случаѣ, какъ мы будемъ играть въ фанты и мнѣ придется поцѣловать васъ, то я пресильно укушу; тогда, пожалуй, давайте мнѣ *уздечьку*, *узду* или хоть замкомъ заприте ротъ, какъ няня Васильевна въ *Старинныхъ святкахъ*.—Какъ была довольна добрая моя Полинька видя, что меня всякому представляли, какъ царицу праздника. Милая дѣвушка! еслибъ она захотѣла, то во всемъ превзошла бы меня, но ей пріятнѣе было меня хвалить и удивляться.

Я столько тронута ее снисхожденіемъ, что день ото дня начинаю больше и больше ее любить и думаю, что за любовь къ ней, люблю васъ, хотя не множко поменьше. Продолжайте, любезной, Г. Свѣтинскій говоритъ мнѣ всегда правду и будьте увѣрены въ всегдашней моей признательности.

Не правда ли, что Фединька вчера велъ себя очень мило? онъ по обыкновенію своему, весь вечеръ не переставалъ мною заниматься; танцовалъ съ удивительною пріятностію съ Соничькою, двоюродными ея сестрицами и пр.

Я съ удовольствіемъ замѣтила по его лицу, что единственно для меня онъ старался такъ оплитчаться. Когда кончились танцы, то маминька сказала мнѣ, что давно уже не проводила вечера такъ пріятно. Примите участіе въ этомъ комплиментѣ, Г. Свѣтинскій, вы больше другихъ имѣете на то права.

Преданная вамъ ученица

Надежда Любенская.

ПИСЬМО XXXV.

СВѢТИНСКІЙ КЪ НАДИНЬКѢ.

17 Іюля.

Точите скорѣе зубы, чтобъ лучше укусить меня, любезная Надинька. Мнѣ поручено увѣдомить васъ, что завтра, послѣ обѣда соберется у васъ маленькое общество, что мы будемъ играть въ разные игры и что безъ сомнѣнія я попаду въ бѣду.

Но оставимъ шутки; время слишкомъ дорого, чтобъ терять его по пустому. Въ послѣдній разъ мы занимались разсмотрѣніемъ различныхъ родовъ слога. Мы видѣли, что это мнимое отличіе, или раздѣленіе словъ есть ни что иное, какъ мнѣніе вообще принятое, которое очень далеко отъ натуры и подвержено безчисленнымъ отступленіямъ, потому что въ одномъ и томъ же сочиненіи, а часто даже въ письмѣ самомъ коротком, необходимо должно иногда употреблять всѣ три рода. Вы сами представляете тому примѣръ, въ послѣднемъ письмѣ нашемъ

ко мнѣ. Сперва вы писали тономъ шутливымъ, смѣшаннымъ съ нѣкоторою досадою и дружескимъ упрекомъ. Простой и средній слогъ попеременно былъ видѣнъ; потомъ, въ ту минуту, когда сердце ваше предалось естественной добротѣ, вы — нимало не воображая — перешли къ возвышенному слогу, больше приличному описываемому предмету и кончили *разнообразнымъ* родомъ, которой очень пріятенъ во всякомъ родѣ письма.

Будучи коротко со мною знакомы, вы вѣрно не подумаете, чтобъ я сталъ льстить. Все, что вы ни пишете, имѣетъ въ себѣ уди-

вительную прелесть и занима-
тельность. Если вы обрабопаете
щасппливыя свои способности, по
перейдете черезъ обыкновенную
границу и будете служить примѣ-
ромъ для другихъ. Любезная ваша
родственница имѣетъ также пре-
восходныя способности, но онѣ
не одинаковы съ вашими; многіе
цвѣтки имѣютъ пріятной, плѣ-
нительной запахъ, но совершен-
но различной одинъ отъ другаго.
Жасминъ, роза, фіалка прекрас-
ные цвѣты; но каждой изъ нихъ
имѣетъ собственное достоинство.
Я никогда не перестану говорить
вамъ: не принуждайте своихъ рас-
положеній, слѣдуйте внушеніямъ

природы и со всѣмъ тѣмъ сообра-
жайте ихъ съ разсудкомъ. Вотъ
самая спасительная *уздечька*, о
которой я писалъ къ вамъ.

Я могъ бы гораздо дальше
распространить примѣчанiи свои
и правила : даже написать цѣ-
лые томы и умножить образцы.
Но этотъ трудъ будетъ лиш-
нимъ для тѣхъ, которымъ при-
рода отказала въ дарѣ чувство-
ванiя ; равно не нуженъ и для тѣхъ,
которые все получили отъ при-
роды, чтобъ самимъ сдѣлаться
образцами.

Вы и ваша родственница, лю-
безная Надинька, будете нѣког-
да включены въ число образцо-

выхъ писательницъ, если станете съ прилѣжностію обработывать щастливыя свои дарованія. Пусть похвальное соревнованіе одушевляетъ всѣхъ насъ и никто да не скажетъ про другова: онъ недалеко ушелъ.

И такъ прощайте до завтра, мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ получить отъ васъ сего дня послѣ обѣда новое географическое разсужденіе.

Покорный вашъ слуга и преданный другъ

Аркадій Свѣтинскій.

ПИСЬМО XXXVI.

ПОЛИНЬКА КЪ ФЕДИНЬКѢ.

20 Іюля.

Ты правъ, любезной, доброй братецъ, мы нисколько не должны помнить зла, ни ненавидѣть прежнюю нашу надзирательницу, мамзель Боме, которой дѣдинька въ концѣ нынѣшняго мѣсяца по неизвѣстнымъ намъ причинамъ велѣлъ выѣхать изъ дома. Очень знаю, что она первая подала со-

вѣтъ помѣститъ насъ въ пансіонъ по смерти папиньки, говоря въ причину, что маминька имѣетъ крайнюю нужду въ спокойствіи и я почитаю совѣтъ этотъ справедливымъ, потому, что мы по пустому теряли бы только время живучи дома, въ продолженіи шестимѣсячной болѣзни маминьки.

Но она безъ сомнѣнія не имѣла никакого намѣренія, на которое могли бы мы жаловаться. Съ самаго младенчества она была при маминькѣ; привязана къ ней душею и сердцемъ; она въ цѣломъ мірѣ видѣла только одну ее, и всякой безъ труда могъ

примѣтишь, что съ того времени, какъ она лишилась любезной покровительницы, нравъ ее и даже свойства совершенно перемѣнились.

Согласна съ твоимъ мнѣніемъ; дѣдинька очень, очень великодушно съ нею поступилъ; ей пріятно будетъ жить въ томъ городѣ, которой она избрала своимъ убѣжищемъ.— Я очень поняла, любезной брашецъ, мысль твою: тебѣ хотѣлось, чтобы я участвовала въ подаркѣ, которой ты намѣренъ сдѣлать мамзель Боме при ея отъѣздѣ; не уже ли ты могъ сомнѣваться въ

моемъ согласіи; я съ большимъ удовольствіемъ готова сдѣлать все съ своей стороны и на дняхъ мы посовѣтуемся объ этомъ. Я слышала, что ты продолжаешь брать уроки Англійскаго языка съ прочими учениками и учитель всѣхъ вмѣстѣ васъ учитъ; однакожъ я полагаю, что ты больше успѣешь принимая уроки на ровнѣ съ другими, нежели когда, какъ мамзель *Боме* учила тебя по Англійски одного.

Намѣреніе, принятое ею, собрать библіотеку для чтенія, очень похвально; оно послужитъ для нее пріятнымъ препровожденіемъ вре-

мени; однимъ словомъ, она можетъ свободно читать любимыя свои книги, романы, и я готова биться объ закладъ, что день и ночь спанешъ за ними сидѣть. Въ пансіонѣ у насъ есть женщина съ такимъ же вкусомъ, а именно помощница нашей надзирательницы; ее никакъ не опорвешь отъ книги и когда по должности она принимается за другое дѣло, то всегда имѣетъ разсѣянной видъ. На этихъ дняхъ дочитала она романъ: *Двѣнадцать спящихъ дѣвъ*; онъ долженъ быть очень трогателенъ, потому что до сихъ поръ глаза у ней еще красны отъ слезъ.

Прощай, любезной брапецъ и
доброй другъ мой, будь здоровъ;
ощъ всего сердца шебя цѣлуешъ

сестра Помнька.

ПИСЬМО XXXVII.

ФЕДИНЬКА КЪ СВѢТИНСКОМУ.

23 Іюля.

Премного благодарю тебя, любезной другъ, за присылку двухъ писемъ, полученныхъ тобою отъ Полиньки и Надиньки; случай доставилъ тебѣ ихъ оба въ одно время, и ты очень благоразумно сдѣлалъ, что позволилъ мнѣ оставить ихъ до возвращенія дѣдиньки, которой пріѣдетъ послѣ завтра.

Я уже переписалъ ихъ для себя. Отъ чистаго сердца удивляюсь замѣчаніямъ Полиньки на щетъ лживыхъ и низкихъ поступковъ Римскаго Императора *Августа* до вступленія его на престолъ. Справедливость ея доказательствъ поразила меня, но, любезный Свѣтинскій, представь же, въ какомъ я былъ восхищеніи, даже безъ ума отъ радости отъ чудеснаго понятія маленькой нашей Надиньки; согласись самъ, что много надобно имѣть ума десятилѣтней дѣвочкѣ, чтобы начертать со всевозможною точностію географической планъ различныхъ Государствъ, находящихся въ Евро-

пѣ и при томъ не копируя съ другаго плана а прямо, изъ головы.

Правда, я уже недѣли двѣ примѣтилъ у ней на столѣ нѣсколько листовъ Александрійской бумаги, на которыхъ сдѣлано нѣсколько обрисей; любопытство подстрекнуло меня посмотрѣть на нихъ и я подошедъ спросилъ, что она хочетъ дѣлать? Вдругъ Надинька подбѣжавъ проворно и закрывъ бумагу руками, отвѣчала мнѣ смѣясь: «теперь еще не время, Фединька; впрочемъ это будетъ сдѣлано для тебя, или лучше сказать для всѣхъ насъ; но не знаю еще, достигну ли

предпринятой мною цѣли. Это моя тайна, увидимъ.» Такъ какъ мнѣ не хотѣлось огорчать ее, то я и пересталъ разспрашивать. Вотъ, какое вышло послѣдствіе! по чести, это очень удивительно!

Вижу, что и ты судишь также какъ я. Подобная тонкость въ дѣвочкѣ доказываетъ постоянной умъ и ясность мыслей, что обѣщаетъ многое на будущее время.— Наконецъ приходитъ время нашего экзамена; 31 числа текущаго мѣсяца пруды наши отдадутся на судъ публики. Не знаю, какому порядку будетъ слѣдовать дѣдинька въ этомъ засѣданіи, ни то-

го, какое будетъ мнѣніе посѣтителей, но еслибъ спросили меня: кто заслуживаетъ большую награду, то я нисколько не колеблясь сказалъ бы, что награда должна принадлежать Надинькѣ по причинѣ удивительнаго ея понятія.

Единственно тебѣ, доброй другъ мой, обязаны мы большею частію щастливаго откритія нашихъ способностей, какъ сказалъ дѣдинька на канунѣ своего отъѣзда; не выбравъ тебя въ посредники, онъ совсѣмъ не подумалъ бы заводить между нами переписки, которая нѣкоторымъ образомъ просвѣтила наши понятіи и удвоила

спараніе къ ученію. Это, говоритъ онъ, родъ взаимнаго наставленія.

Меня зовутъ въ классъ, милой другъ, прощай.

NB. Еще словцо: ты знаешь, какъ часто дѣдинька заставляетъ меня читать и перечитывать стихотворенія *Державина* и сцены изъ трагедій; пожалуста пришли мнѣ *сочиненія Озерова*, я прочитаю ихъ разъ нѣсколько; послѣ узнаешь, для чего.

ПИСЬМО XXXVIII.

Г^нъ ЧАДОЛЮБОВЪ КЪ СВѢТИНСКОМУ.

27 Іюля.

И такъ, черезъ четыре дня, любезной мой Свѣтинскій, состанвится маленькой нашъ экзаменъ: я хочу сдѣлать его сколько возможно торжественнѣе, однакожъ не приглашая посторонних, выключая нѣсколькихъ друзей; зрители большею частію будутъ состоять изъ родныхъ. Я велѣлъ приготовить большой павильонъ, что въ саду, которой будетъ украшенъ цвѣтами и рисунками.

Я приказалъ купить коллекцію самыхъ лучшихъ книгъ, которыя по назначенію моему, жена будешь раздавать всѣмъ вамъ, любезные дѣти, соображаясь съ успѣхами каждаго.

Тебѣ, мой другъ, препоручаю я читать въ слухъ вашу переписку, и увѣренъ, что тѣмъ доставляю тебѣ большое удовольствіе, потому что знаю твою привязанность къ лицамъ въ ней участвующимъ; не забывай только вездѣ сохранять приличную благопристойность.

Послѣ нашего засѣданія, которое начнется часовъ въ одиннадцать утра, и продолжится часа два, мы займемся музыкою; по-

томъ сядемъ за столъ и вкуснымъ обѣдомъ подкрѣпимъ силы свои послѣ утреннихъ прудовъ для вечернихъ удовольствій. Тѣмъ временемъ, павильонъ нашъ, или лучше сказать: кабинетъ музъ преобразится въ храмъ Терпсихоры, гдѣ юность до самой полуночи будетъ вкушать пріятныя для ея лѣпъ удовольствія. Прощай, мой другъ.

ПИСЬМО XXXIX.

СОНИЧКА КЪ НАДИНЬКѢ.

29 Іюля.

Что я узнала, милой другъ! твой папинька, которой сію минуту только опъ насъ уѣхалъ, сказалъ, что послѣ завпра по утру онъ пріѣдетъ за нами и вмѣстѣ съ маминькой, брапцемъ Петрушей и мною отправится на экзаменъ, которой будетъ у Г^на Чадолюбова. Тамъ станутъ разда-

вашь награды, потомъ будетъ музыка, потомъ большой обѣдъ и послѣ балъ! Онъ объяснилъ маминькѣ причину этаго праздника и я обѣщаю тебѣ непремѣнно быть на немъ. Мнѣ очень бы хотѣлось вступить въ число членовъ такой маленькой Академіи, въ которой научаютъ и научаются шутя.

Такъ какъ теперь время вакансій, то я слышала, что послѣ экзамена вы поѣдите въ деревню, а съ 1 Октября опять начнете свою переписку; маминька чрезвычайно тому обрадовалась и просила у твоего папиньки позволенія какъ мнѣ, такъ и брашцу Петру-

шѣ въ пюмъ участвовать. Онъ отвѣчалъ, что это зависитъ отъ Г^на Чадолюбова, что онъ поговоритъ ему и увѣренъ въ согласіи этаго почтеннаго человѣка. Если мы получимъ его позволеніе, милая Надинька, то я буду просить твоего совѣта, какой *текстъ* должно избрать мнѣ для моихъ писемъ. Полинька занимается древнею и новѣйшею Исторіею, ты Географію, а я пожалуй примусь за Граммапику, которую учу съ большею охотою.

Наконецъ, милой другъ, теперь открылась твоя тайна, которую ты до сихъ поръ отъ насъ

скрывала. Когда, бывая вмѣстѣ, я звала тебя поиграть, то ты иногда отказывалась, иногда играла, только очень не охотно и всегда какъ будто чѣмъ-то была занята. Я не понимала, какая была тому причина, что ты сдѣлалась равнодушною ко всему, даже къ прекрасной твоей куклѣ. Папинька твой объяснилъ намъ все. Онъ сказалъ, что недѣль пять или шесть ты вставаешь каждой день на разсвѣтѣ и по цѣлымъ часамъ чертишь и перечерчиваешь географическіе свои планы, не примѣчая даже, какъ проходитъ время. Боже мой! какъ мнѣ любопытно посмотрѣть на твою работу! мнѣ ка-

жется до послѣ завтрашняго дня я ни на минуту не усну.

Ты знаешь моего учителя Французскаго языка, который говорятъ изъ лучшихъ въ Москвѣ. Съ нѣкотораго времени онъ велѣлъ мнѣ переписывать *спряженія* и таблицы *уравнительнаго словосочиненія*; я не понимала, для чего онъ это сдѣлалъ, но папинька твой разсмотрѣвъ со вниманіемъ мои тетради, сказалъ маминькѣ, что такое упражненіе изощряетъ память. И такъ, милая, прошу тебя и друзей твоихъ, а особливо Полиньку, примите хотя изъ состраданія въ ученое свое общество маленькую невѣжду; удовольствіе

быть въ немъ и прилѣжаніе заступятъ во мнѣ мѣсто ума и дарованій въ ожиданіи будущихъ успѣховъ.

Не могу изъяснить тебѣ, добрая моя Надинька, какъ весело приготовляюсь я провести послѣ-завтрешній день. Я знаю также, что изъ постороннихъ мы будемъ только одни и маминька сказала, что ей очень пріятно такое предпочтеніе; но тебѣ извѣстно, какъ она всѣхъ васъ любитъ.

Такъ какъ мы станемъ танцовать, то я хочу сего дня и завтра прорепетировать съ Петрушею Рускую пляску, которую ты меня учила; надѣюсь, что мы можемъ

плясать въ четверомъ съ тобою и Фединькой лучше прежняго раза.

Маминька приготовила пайно прекрасную корзину, украшенную цвѣтами со множествомъ конфектъ всякаго рода, съ девизами и провчимъ, которую подадутъ Гну Чадолюбову во время десерта. Пожалуста не сказывай прежде о томъ никому; мы повеселимся ихъ изумленіемъ. Прощай, доброй другъ мой.

NB. Да, я забыла тебѣ сказать, что мы недавно ѣздили гулять въ Марьину рощу и по дорогѣ заѣзжали въ пансіонъ повидаться съ Полинькой.

ПИСЬМО XL *и послѣднее.*

СВѢТИНСКІЙ КЪ СВОЕМУ НАСТАВНИКУ.

1 Августа.

Милостивый Государь и почтенный мой Наставникъ!

Намѣреніе, принятое вами не выѣзжать изъ деревни до тѣхъ поръ, пока совершенно изцѣлитесь отъ своей подагры, которая, какъ я услышалъ съ большимъ удовольствіемъ, начинаетъ ослав-

лять васъ, заставляетъ меня извѣ-
стить васъ о засѣданіи бывшемъ
вчера у Гна Чадолюбова. Почтен-
ной этотъ человѣкъ до самаго ве-
чера ласкался надеждою васъ уви-
дѣть и заранѣе велѣлъ приго-
товить спокойную комнату; но
какъ мы лишены были этаго удо-
вольствія, позвольте мнѣ разска-
зать вамъ о прелестномъ празд-
никѣ и о той веселости, кото-
рую достойной вашь другъ, не
смотря на преклонныя свои лѣта,
умѣлъ распространить во всемъ
обществѣ.

Въ двѣнадцать часовъ всѣ со-
брались и пошли въ павильонъ,
обитой голубою матеріею съ бѣ-

лою и оранжевою бахрамами. Онъ былъ украшенъ цвѣтами, гирляндами и все это придавало ему торжественной и прекрасной видъ. Для дамъ спояли въ глубинѣ павильона канапе, а для мущинъ по бокамъ скамейки, обитые бархатомъ. Въ срединѣ находился круглой столъ, на которомъ спояли два глобуса.

По правую руку было поставлено, на возвышеніи, богатоубранное кресло для госпожи Чадолюбовой, раздавательницы награжденій; по лѣвую, другое кресло для Г. Чадолюбова. Четыре прекрасные стула, поставленные вокругъ стола, были назначены для

Полиньки, Надиньки, Фединьки и для меня.

По данному знаку шесть человѣкъ музыкантовъ начавъ прекрасную увертюру, открыли шествіе по главной садовой аллеѣ, за ними шли четыре человѣка слугъ, которые несли награжденія, состоящія изъ множества разныхъ книгъ въ превосходныхъ переплетахъ и положенныхъ въ двѣ корзины, отдѣланныя синею тафтою съ бантами изъ ленть того же цвѣта. Потомъ Гжа Любенская вела дѣвицъ: одною рукою Полиньку, другою Надиньку, которыя были одѣты въ бѣлыя платья, а головы ихъ убраны цвѣтами, за ни-

ми шелъ я съ Фединькой, всякой изъ насъ держалъ въ рукѣ корону сплетенную изъ розъ; насъ сопровождалъ дѣдинькинъ камердинеръ, которой съ чрезвычайною важностію несъ коришневой портфіоль, гдѣ лежали всѣ наши письма, выписки и замѣчанія, сдѣланныя каждымъ изъ насъ. Наконецъ Г. Чадолюбовъ подавъ руку достойной и почтенной своей супругѣ, заключалъ шествіе.

Какъ скоро мы подошли къ дверямъ павильона, то Г. Любенской вышелъ насъ встрѣтить и при входѣ нашемъ всѣ гости встали. Музыканты помѣстились на возвышеніи, нарочно сдѣланомъ въ

углу павильона. Гжа Чадолюбова, поцѣловавшись со всѣми дамами, сѣла въ кресло; прочіе помѣстились по назначенію. Послѣдовало минутное молчаніе.

Тогда Г. Чадолюбовъ, вставъ и обратясь къ собранію, произнесъ небольшую рѣчь, исполненную чувствительности и пріятности, въ которой сообщилъ о причинѣ собранія.

Послѣ этой рѣчи по приказанію Г. Чадолюбова я всталъ, вынулъ письма, заключающія въ себѣ нашу переписку, и сталъ читать. Мнѣ приказали начать чтеніе съ писемъ Полиньки. Я прочелъ пять;

три изъ нихъ относились къ древней Римской Исторіи, а два послѣднія о письменномъ слогѣ.

Безпристрастное общество здѣлало свои замѣчанія: нашли неправильность въ слогѣ, нѣсколько ошибокъ въ правописаніи и Г. Чадолюбовъ съ притательною добротою далъ замѣтить это Полинькѣ; милая дѣвица сама призналась въ справедливости замѣчаній и съ такою скромностію обѣщала ихъ исправить, что всѣ были восхищены ея любезностію.

Но лишь только разсмотрѣли тетради ее, заключающія въ себѣ извлеченія, то раздались со всѣхъ

споронъ похвалы ; чистота письма, точность сохранены были вездѣ и всякая страница блистала умомъ и прилѣжаніемъ.

Потомъ перешли къ письмамъ Надиньки, всѣ единогласно признали и удивлялись точности, ея географическихъ примѣчаній, просили, чтобъ она сама изъяснила рисунки свои относительно обѣихъ глобусовъ и она исполнила это съ такою точностію и ясностію, что всѣхъ изумила. Рисунки переходили изъ рукъ въ руки и выключая не многихъ ошибокъ они найдены совершенными. Всякой съ трудомъ могъ удержать изъявленіе

живѣйшаго удовольствія и вообще всѣ осыпали похвалами Полиньку и Надиньку (*).

Потомъ наступила очередь Фединьки. Прежде чтенія писемъ онъ просилъ позволенія прочитать двѣ сцены изъ Озеровой Трагедіи Эдипа въ Аѳинахъ, чтобы дать отдохновеніе вниманію общества. Такого пріятнаго отвлеченія никто не ожидалъ. Онъ декламировалъ очень хорошо и получилъ до-

---

(*) Здѣсь не помѣщено писемъ ни о Географіи, ни о глобусахъ, ни объ Исторіи, потому что къ нимъ необходимо нужно присовокупить картины, планы и проч., что слишкомъ увеличило бы книгу.

спойныя похвалы. Потомъ я читалъ при письма его, между которыми одно къ Надинькѣ и именно то самое, въ которомъ онъ описывалъ ссору свою съ мамзель Боме. Одобряли его чистосердечіе, осуждая излишнюю живость; Фединька самъ признался, что онъ заслуживаетъ упреки и не старался извиняться. Такая умѣренность доставила ему поцѣлуй отъ бабиньки его, при всѣхъ гостяхъ — лестная награда.

Послѣ того осталось выслушать обществу мои письма о правилахъ письменнаго слога. Не смѣя отказаться отъ чтенія ихъ, *я просилъ снисхожденія слу-*

шателей, но судьи мои такъ были благосклонны, что одинъ взглядъ ихъ ободрилъ меня. Исполненный почтительнаго смущенія за такую благосклонность, я сѣлъ опять на стулъ и началъ чтеніе.

По окончаніи, Г. Чадолюбовъ повторилъ въ коротикихъ словахъ все, что нами было читано и сказавъ приличную каждому изъ насъ похвалу, приказалъ поставить корзины съ книгами подлѣ почтенной своей супруги. Онъ просилъ собраніе безпристрастно объявить, которой, изъ четверыхъ предстоящихъ дѣтей, достойнѣе быть позванъ первой

для полученія награды за свое прилѣжаніе. Всѣ вдругъ отвѣчали, что ни которому не льзя отдать преимущества и что всякой изъ нихъ имѣетъ равное право на полученіе награжденія. Наконецъ рѣшили просьбою, обращенною къ Г-жѣ Чадолюбовой, чтобы она въ такомъ случаѣ согласовалась безпрепятственно съ *движеніями своего сердца.*

Достойная эта женщина, которой глаза были орошены слезами удовольствія, подозвавъ къ себѣ Полиньку и Надиньку, вмѣстѣ протянула къ нимъ руки. Юныя пріятельницы бросились въ ея объятія въ восторгѣ отъ радо-

спи и потомъ нѣжно обняли другъ друга.

«Любезная Полинька, сказала тогда Г^жа Чадолюбова, мнѣ не возможно одной изъ васъ отдать преимущество; успѣхи ваши одинаковы, но какъ ты старшая, то доставь милой нашей Надинькѣ эту корзину, которая содержитъ въ себѣ все, что для каждой изъ васъ назначено. Для Надиньки превосходное изданіе Географіи Г. Профессора Гейма и превосходной гравировки ландкарта. Для тебя, любезная Полинька, полное собраніе сочиненій Г^жи Дюфренуа, экземпляръ Древней Исторіи и другой экземпляръ Исторіи Государства Россійскаго,

писанной знаменитымъ нашимъ Исторіографомъ Г. Карамзинымъ.»

Въ ту минуту, какъ дѣвицы открыли корзину, чтобы раздѣлить свои награды, раздалась музыка, послѣ которой Гжа Чадолюбова подозвала Фединьку; онъ подошелъ съ тѣмъ веселымъ и откровеннымъ видомъ, которой всегда ему свойственъ.

« Другъ мой, сказала его бабинька, вотъ для тебя экземпляръ сочиненій Ролленя. Дѣдушка зная твой вкусъ, прибавилъ къ тому прекрасное изданіе сочиненій Расина и Озерова. Тѣмъ временемъ, какъ му-

зыка начала играть въ другой разъ, Фединька перелистывая сочиненія Озерова, съ торжественнымъ видомъ остановился на томъ явленіи, гдѣ Полиникъ раскаевается передъ Эдипомъ, на томъ самомъ, которое онъ декламировалъ.

Наконецъ пришла и моя очередь. Г. Любенской самъ подошелъ ко мнѣ и взялъ за руку, я препепалъ—только отъ удовольствія. Гжа Чадолюбова, обнявъ меня за себя и за своего супруга, какъ сама сказала, и поблагодаривъ что сдѣлало меня еще застѣнчивѣе и стыдливѣе) подала мнѣ своею рукою, которую я два раза поцѣловалъ, прекрасное собраніе

Геометрическихъ твореній ла Гранжа и ла Каля, и сверхъ того превосходно отдѣланной футляръ съ математическими инструментами, которой лежалъ на днѣ корзины.

Трубы загремѣли въ послѣдній разъ и церемонія кончилась. Всѣ вспали, поздравляли насъ, обнимали и просили дѣвицъ въ ожиданіи обѣда проиграть что нибудь на фортопіано.

Полинька и Надинька, которыя, какъ я думаю, заранѣе къ тому приготовились, съиграли въ двоемъ очень пріятную музыкальную піэсу. Потомъ Надинька играла

попури съ варіаціями, которое я акомпанировалъ ей на флейтѣ. Какъ оставалось еще съ четверть часа до обѣда, то просили Соничьку проиграть что нибудь на арфѣ. Она играла очень мило романсъ и припѣвала. Хотя голосъ ее слабъ, однакожъ она пѣла вѣрно и выразительно.

Послѣ музыки, почтенной мой наставникъ, сказали, что готовъ обѣдъ. Украсивъ головы Надиньки и Полиньки коронами изъ розъ, мы сѣли за столъ. Не стану описывать вамъ пріятностей этаго обѣда, которой продолжался до самой ночи, а за десертомъ Г.

Чадолюбовъ пилъ за ваше здоровье.

Тѣмъ временемъ павильонъ преобразили въ прекрасную танцовальную залу; послѣ стола всѣ отправились туда; мы въ чепверомъ плясали, сначала по Руски, потомъ мазурку, дальше начались экосесы и всѣ приняли участіе въ танцахъ; барыни вальсировали вмѣстѣ съ нами и такимъ образомъ веселились до самой полуночи.

Вотъ, почтенный мой наставникъ, описаніе какъ прекрасно проведеннаго нами дня; однихъ только васъ недоставало къ довершенію всеобщей радости.

Въ слѣдующемъ году, въ этотъ же день назначено такое же засѣданіе; смѣю надѣяться, что всякой изъ насъ постарается быть достойнѣе полученія награды, а ваше присутствіе здѣлаетъ этотъ праздникъ совершеннѣе и блистательнѣе.

Конецъ.

оик №2592